

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.78.107>**ФОРТИФИКАЦИЯ БИЛЯРА¹**

© 2025 г. В.Ю. Коваль

Археологическое изучение укреплений Биляра проводилось с 1968 по 1982 гг. За это время было сделано 13 разрезов на всех валах как внутреннего, так и внешнего колец укреплений, а также на 4-х рвах. Лишь часть этих разрезов сопровождалась площадными раскопками, а методический уровень соответствовал своему времени. В публикациях по итогам этих исследований было высказано предположение, что валы являлись насыпями, поверх которых были установлены деревянные стены. Изучение публикаций и отчетной документации показало, что в действительности наиболее древние валы являются руинами древо-земляных стен, подобных древнерусским, а более поздние представляли собой именно насыпи. Определена этапность перестроек стен и некоторые их размерные показатели. Однако несовершенство методики раскопок полувековой давности не позволило получить весь комплекс сведений об укреплениях Биляра и не все валы сегодня могут быть надежно интерпретированы в виде стен или насыпей.

Ключевые слова: археология, фортификация, средневековье, Волжская Булгария, валы, рвы, древо-земляные стены.

FORTIFICATION OF BILYAR²

V.Yu. Koval

Archaeological study of the fortifications of Bilyar was carried out from 1968 to 1982. During this period, 13 cuts were made on all the ramparts of both the inner and outer rings of the fortifications, as well as on 4 ditches. Only some of these cuts were accompanied by area excavations, and the methodological level corresponded to its time. Publications based on the results of these studies suggest that the ramparts were embankments on top of which wooden walls were installed. The study of publications and reporting documentation showed that in fact the most ancient ramparts are the ruins of wood-earth walls, similar to the ancient Russian ones, and the later ones were actually embankments. The stages of wall reconstruction and some of their dimensional indicators were determined. However, the imperfection of the excavation technique practiced half a century ago did not allow to obtain the full range of information about the fortifications of Bilyar, and not all ramparts can be reliably interpreted today as walls or embankments.

Keywords: archaeology, fortification, the Middle Ages, Volga Bulgaria, ramparts, ditches, wood-earth walls.

Биляр является самым крупным городом Волжской Булгарии с самой крупной и сложной системой оборонительных сооружений. Важность знаний об устройстве этих сооружений, их конкретном воплощении в древности трудно переоценить. Эти знания определяют представления о путях развития средневековой фортификации и общем развитии военного дела Волжской Булгарии. Между тем такие знания крайне ограничены, поскольку валы Билярского городища изучались эпизодически на протяжении 1968–1982 гг.¹ В это время проводились зачистки обнажений и прорезки

валов и рвов как внутреннего, так и внешнего города. Результаты этих работ опубликованы, но все же не в полной мере. Наряду с фиксацией профилей траншей, прорезавших валы, иногда снимались и планы этих траншей, но все же раскопки валов по пластам не производились, а на планах не отображались все детали (конфигурация и состав прослоек разнообразных грунтов). По этой причине сегодня очень трудно разобраться в том, какие именно конструкции были обнаружены здесь при раскопках. Причем во всем этом нет вины руководителей раскопок, пользовав-

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² The research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the topic “Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages” (No. R&D 122011200266-3).

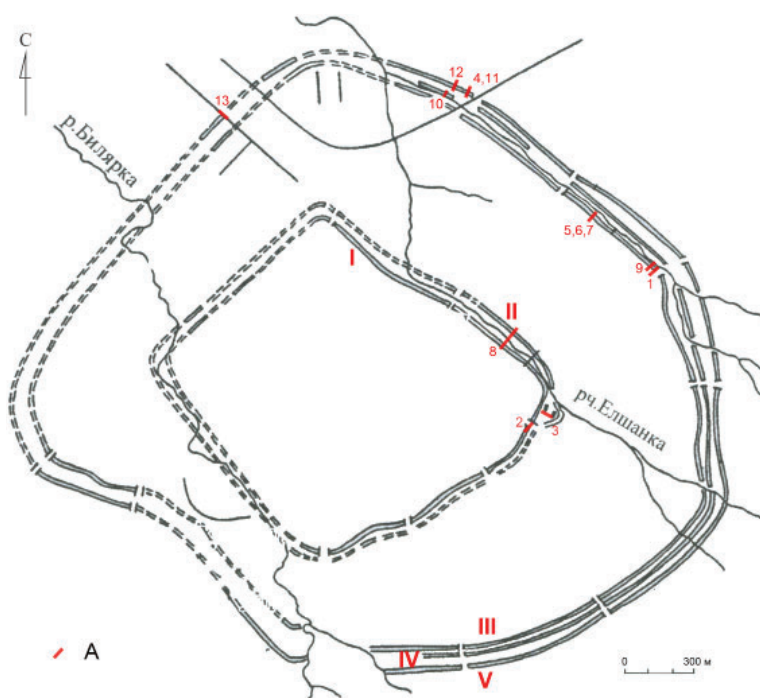

Рис. 1. План валов Биллярского городища с размещением их разрезов (римскими цифрами указаны номера валов): 1 – раскоп VII (1968 г.); 2 – раскоп VI (1968 г.); 3 – траншея 1972 г. между раскопами XV и XVI; 4 – разрез 1 (1975 г.); 5 – разрез 2 (1975 г.); 6 – раскоп 1979 г.; 7 – раскоп XXXI (1982 г.); 8 – раскоп XXX (1982 г.); 9 – раскоп XXXV (1982 г.); 10 – раскоп XXXIV (1982 г.); 11 – раскоп XXXII (1982 г.); 12 – раскоп XXXIII (1982 г.); 13 – разрез вала и рва в траншее 8 (1982 г.). Раскопы показаны без соблюдения масштаба, как условные знаки траншей.

Fig. 1. Layout of the ramparts of Bilyar settlement with the arrangement of their sections (the rampart numbers are indicated in Roman numerals); 1 – excavation VII (1968); 2 – excavation VI (1968); 3 – trench 1972 between excavations XV and XVI; 4 – section 1 (1975); 5 – section 2 (1975); 6 – excavation 1979; 7 – excavation XXXI (1982); 8 – excavation XXX (1982); 9 – excavation XXXV (1982); 10 – excavation XXXIV (1982); 11 – excavation XXXII (1982); 12 – excavation XXXIII (1982); 13 – rampart and ditch section in trench 8 (1982); The excavations are not to scale and are shown as conventional trench marks.

(1982); 10 – excavation XXXIV (1982); 11 – excavation XXXII (1982); 12 – excavation XXXIII (1982); 13 – rampart and ditch section in trench 8 (1982); The excavations are not to scale and are shown as conventional trench marks.

шихся теми методическими правилами, которые действовали в российской археологии на протяжении XX в. до появления разработок Ю.Ю. Моргунова (2009; 2019).

Историография исследований

Поначалу исследование биллярских фортификаций было связано преимущественно с изучением тех мест, где валы и рвы оказались прорезаны тяжелой техникой с различными целями (прокладка дорог, строительство заград, силосных ям). Однако самые первые профили валов внутреннего и внешнего города были получены в 1968 г. (Халиков, 1968) в ходе закладки узких траншей (раскоп VII² во внутреннем городе и раскоп VI³ во внешнем городе) (рис. 1: 1, 2). Эти профили были частично опубликованы А.Х. Халиковым (1976, рис. 14, 16), высказавшим предположение о том, что прослойки угля, выявленные в них, остались от сгоревших деревянных стен (Халиков, 1976, с. 27, 49, 50). Однако в отношении вала внутреннего города эта гипотеза никак не подтверждается: на опубликованном фрагменте профиля раскопа VII прослойка угля показана в том месте (Халиков, 1976, рис. 14), где на отчетном чертеже никакого угля не обозначено. Единственным местом, где в раскопе был зафиксирован уголь, было

обширное пятно на противоположном конце раскопа, который приходился на проем в валу⁴ (Халиков, 1968, л. 79). Раскоп VII затронул лишь самый край сильно поврежденного вала высотой всего 0,8 м, так что его профиль не позволил получить ни полного представления о стратиграфии этой насыпи, ни о ее размерах (поэтому в дальнейшем материалы этого раскопа не рассматриваются).

Уже по первой публикации А.Х. Халикова видно, как трудно оказалось разобраться с наименованиями валов Билляра: ведь как у внутреннего города, так и у внешнего имелись свои внутренний и внешний валы, а повторы слов «внутренний» и «внешний» создавали проблему контаминации. По мере появления всё новых разрезов (всего их 13) понять, какой разрез к какому валу относился, становилось все труднее. Поэтому для исключения путаницы предпочтительна сквозная нумерация валов Биллярского городища: внутренний вал «внутреннего города» – вал I, внешний вал того же города – вал II, внутренний вал «внешнего города» – вал III, вторая (или средняя) линия – вал IV, третья (внешняя) линия – вал V (рис. 1).

Важны для топографии укреплений Билляра, но непригодны для изучения конструкций

его фортификации профили, полученные на раскопе XIII, где был вскрыт край рва, проходившего перед валом III (Халикова, 1976, рис. 79, 80), и в шурфе, прорезавшем вершину вала III в траншее 4 (Халиков, 1976, рис. 19). Они также здесь не рассматриваются и к числу разрезов укреплений не отнесены.

Гораздо более интересны разрезы, полученные при работах 1968–1972 гг. на раскопах XV и XVI, которыми исследовался так называемый «форт» – группа всхолмлений у восточного угла «внутреннего города», составлявших, возможно, вал, огибавший с севера, востока и юга руины изученного раскопками кирпичного здания, интерпретированного поначалу как «караван-сарай» (именно с таким названием это здание и фигурирует в литературе), но, несомненно, являвшегося руинами бани (Зиливинская, 2020, с. 149–154). Укрепления «форты» остались неизученными, т. к. в пределы раскопа XVI (1968–1972 гг.) попали только края всхолмлений вокруг этого объекта. Юго-западный край раскопа XV прорезал внешнюю полу всхолмления, рассматривавшегося как часть вала, окружавшего «форт» (Халикова, 1976, рис. 60, 61). Под этим валом обнаружены остатки разрушенного жилища и прорезавшие его погребения, что дало возможность датировать перекрывавший все эти объекты вал временем не ранее конца XII в. (Халикова, 1976, с. 117). Это важное наблюдение для датировки оборонительных линий Биляра, но о конструкции фортификаций проведенные тут раскопки сведений не дали.

Интересен также разрез рва и перекрывшего его вала, зафиксированный в центре «форты», в траншее 1971 г., соединившей раскопы XV и XVI (Халиков, Шарифуллин, 1976, рис. 49) (рис. 1: 3). Ров (шириной не более 8 м при глубине 1–1,5 м), вырытый, судя по стратиграфическим наблюдениям, на самом раннем этапе освоения территории, проходил всего в 10 м от стен бани и вряд ли служил для того, чтобы ее «окружать» (как полагали руководители раскопок), поскольку только затруднял бы проход к ней, что вряд ли могло ставиться целью его создания. «Защищать» же баню от кого бы то ни было не имело никакого смысла. От вала I этот ров находится слишком далеко (примерно в 40 м). Нельзя связывать этот ров и с валом II (частью которого и являлся сам «форт»), поскольку ров перед этим валом был в несколько раз крупнее (см. ниже). Поэтому

назначение рассматриваемого рва остается пока неясным, и даже возникают сомнения в том, ров ли это, а не какой-то иной объект. «Вал», перекрывший рассматриваемый ров (его ширина 10 м, высота около 1 м), также является загадкой, поскольку у него не было своего рва, а потому неясно, откуда был добыт грунт для этой насыпи. Да и сама эта насыпь слишком ничтожна, чтобы иметь фортификационное назначение. Возможно, это вовсе не вал, какое-то иное сооружение. Но делать какие-либо окончательные выводы по разрезу 1971 г., полученному в траншее шириной 1 м всего в одной точке «форты», представляется преждевременным. Необходимо более полно изучить эти странные объекты («ров» и «вал»), чтобы получить хоть какое-то представление об их датировке и назначении.

В 1975 г. А.Х. Халикову удалось провести зачистки обнажений на валах III и V в северо-восточной части городища (рис. 1: 4, 5). Эти разрезы были впоследствии опубликованы Ф.Ш. Хузиным (1985, рис. 1, 6), но они не принесли в то время существенного прибавления знаний о фортификациях Биляра.

Новый этап изучения оборонительной системы Биляра наступил в 1979 г., когда Билярская экспедиция приступила к масштабным раскопкам валов (Халиков и др., 1979). Первый такой раскоп (траншея шириной 2 м с расширениями до 3–5 м) был заложен на валу III рядом с разрезом 1975 года. Ситуационный план раскопа в отчете отсутствует, но по описанию и фотографиям становится ясно, что он размещался к северо-западу от прохода в валу. При этом в отчете представлены два разреза вала в профилях раскопа, названных северным и южным, хотя южный профиль имеет напольную сторону там же, где и северный (Халиков и др., 1979, рис. 123, 124). Сравнение этого «южного» профиля с разрезом 1975 г. демонстрирует их большую близость. Очевидно, что профиль, названный в отчете 1979 г. «южным», являлся еще одной зачисткой северной стороны прохода в валу, сделанной перед началом работ. Этот профиль действительно размещался к югу от раскопа, но он не мог быть для раскопа «южным», поскольку с юга от раскопа находился проход в валу и снять южный профиль тут было невозможно. Таким образом, траншея 1979 г. не имела южного профиля, а вскрывалась начиная от края прохода.

Закладка раскопа на краю прохода в валу позволила впервые провести раскопки, вскрывая вал не целиком, а отдельными горизонтами, что опять же впервые дало возможность зафиксировать несколько разных планов раскопа. Правда, «горизонты», которые руководитель раскопа М.М. Кавеев заранее определил как уровни, отделявшие один строительный горизонт вала от другого, являлись криволинейными пластами разной толщины, и их поверхности не обозначены на профилях раскопа, так что соотнести полученные планы с профилями практически невозможно. Тем не менее впервые был получен не сводный план всех встреченных в валу объектов, а несколько планов, позволяющих лучше понять, что же было тут обнаружено. Впрочем, это мало помогло изучению вала, поскольку при зарисовке этих горизонтов разница в грунтах не фиксировалась и на план наносились лишь очевидные нарушения – канавки, столбовые ямы, другие перекопы, которые воспринимались в виде следов «навалых конструкций». По итогам этих работ руководитель раскопа издал в 1981 г. статью, в которой изложил свое представление о четырех горизонтах насыпи вала (Кавеев, 1981).

В 1981–1982 гг. биярские валы подверглись наиболее полному исследованию за все годы изучения этого памятника. Были заложены шесть раскопов и проведена одна зачистка обнажения в строительной траншее (Кавеев, Хузин, 1981; 1982), которыми были изучены оба вала внутреннего города (раскоп XXX) и все три вала внешнего города (раскопы XXXI–XXXV). При этом в двух случаях раскопы были заложены встык с раскопами или зачистками разрезов, сделанными в прошлые годы. Впервые были разрезаны валы I и II (внутреннего города), а также валы IV и V (внешнего города).

Материалы этих раскопок были опубликованы уже в 1985 г. в двух больших статьях, в которых были представлены графические изображения разрезов укреплений как внутреннего города (Хузин, Кавеев, 1985), так и внешнего (Хузин, 1985). При описании валов постоянно упоминались «следы навалых конструкций», под которыми понимались мелкие канавки (отпечатки бревен?) и ямки от небольших вертикально вкопанных столбов, которые иногда назывались «городнями» (Хузин, 1985, с. 79); они явно не имели ничего

общего со срубами-городнями древо-земляных стен древнерусских городов. Объясняется это недоразумение тем, что в те годы исследователей Бияра интересовали не столько конструкция оборонительных сооружений, сколько датировка как самих валов, так и того культурного слоя, который иногда обнаруживался под ними.

После 1982 г. фортификация Бияра более не исследовалась. Современный специалист по фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллин в целом солидаризируется с выводами, полученными в 1980-е гг. (2019, с. 53–57), предлагая при этом реконструкции деревянных защитных сооружений на вершинах валов, включающие наряду с частоколами линии из пустотелых клеток с обламами и бойницами для огнестрельного оружия по образцу русских крепостей XVII в. (Губайдуллин и др., 2016, рис. 8; 2019, рис. 55). Эти реконструкции не основываются на конкретном археологическом материале, поскольку базируются лишь на самых общих представлениях о внешнем виде биярских фортификаций и ссылаются на выводы предшествовавших исследователей (А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, М.М. Кавеева). Кажется спорной и мысль А.М. Губайдуллина о том, что обнаруженные 25 и 45 м от рва, проходившего перед валом V, «два ряда» глубоких столбовых ям (Халиков, 1976, с. 54; рис. 19), представляли собой дополнительную ограду, названную «фоссебреей» по аналогии с европейской фортификацией (Губайдуллин, 2019, с. 56). Эта гипотеза базируется на том факте, что в траншее, выходившей за пределы крепости, при наблюдениях были обнаружены столбовые и прочие ямы. Однако никаких раскопок в месте обнаружения этих ям не проводилось, поэтому нет данных о том, располагались ли они рядами или бессистемно, были связаны с обороной или с усадебным хозяйством.

Вместе с тем безусловной заслугой А.М. Губайдуллина является указание на возможность вторичного использования древних биярских валов при возведении укреплений Закамской засечной черты (Шакиров, Хузин, Губайдуллин, 2007, с. 137). В состав этой черты входил и Биярский острог, при строительстве которого, вероятно, были использованы древние укрепления болгарского времени (Могилевский и др., 2022, с. 239). Однако плана или описания этого острога не

сохранилось, поэтому его связь с остатками укреплений Биляра остается гипотетической, так что никто из исследователей Биляра не связывал напрямую какие-то конкретные части этих сооружений с фортификацией Нового времени.

Итак, на сегодняшний день укрепления внутреннего города полностью изучены только в одном месте (раскоп XXX 1982 г.), а укрепления внешнего города – на четырех локальных участках, но в разной степени: вал III – в двух местах, вал IV – в одном месте, вал V – в трех местах.

Укрепления внутреннего города

Валы (I и II) и ров перед валом II внутреннего города были разрезаны в 1981–1982 гг. в восточной части периметра валов, в 300 м от так называемого «форта» (рис. 2: А) (Кавеев, Хузин, 1985, рис. 2, 3). При этом разрез вала I был опубликован частично, без засыпанного «рва» (?), обнаруженного рядом с внутренним склоном вала (рис. 2: Б). В составе вала I его исследователями были выделены четыре строительных периода, разделявшихся «линзами культурного слоя», которые показаны на разрезе в виде жирных черных линий одинаковой толщины (рис. 2: Б, Г). Однако известно, что на криволинейных поверхностях культурный слой не мог откладываться в виде одинаковых по толщине прослоек: в местах понижения рельефа такие прослойки имеют всегда повышенную толщину, а на верхних точках исчезают вовсе благодаря смещению грунта под действием естественных процессов (силы тяжести, эрозионного сноса и т. п.). Поэтому само существование «линз» в обозначенном виде кажется сомнительным, а проведенные на чертеже линии выглядят скорее как гипотетические границы. Заметим, что в тексте отчета эти «линзы культурного слоя» не упоминаются, на отчетных чертежах не обозначены и появляются они только в статье. Предложенные «границы горизонтов» не совпадают и с теми зольными прослойками толщиной 5–7 см (рис. 2: Б), которые рассматривались как остатки сгоревших деревянных укреплений. Но ведь именно «горизонты пожаров» могли бы претендовать на роль границ между разными этапами фортификационного сооружения. Видимо, авторы публикации не были уверены в том, что зольные прослойки маркируют именно пожары, и в этом их следует поддержать.

Само по себе сгорание древесины укреплений до состояния золы вполне возможно, но полное отсутствие обугленных конструкций, не прогоревших до такого состояния, кажется маловероятным. Таким образом, золистые прослойки, скорее всего, не имеют никакого отношения к «навальным» укреплениям, а значит, и к границам «горизонтов». Для формулирования надежных гипотез о происхождении прослоек золы недостает и объективных аналитических данных, без которых возможно повторение ситуации с предполагавшимся ранее «горизонтом пожара 1236 г.» в Болгаре, на проверку оказавшимся остатками травянистой органики (возможно, навоза) и выбросами из теплотехнических сооружений (Гольева, Коваль, 2021; Центральный базар Болгара, 2022, с. 20–25).

К первому (самому нижнему и самому древнему) из четырех «строительных горизонтов» отнесена залегающая на погребенной почве группа прослоек суглинков разного цвета⁵ общей мощностью не более 0,6 м. Эту насыпь нельзя рассматривать в качестве самостоятельного «вала», но она стратиграфически связана с канавкой от частокола, проходившей под северо-восточным склоном вала параллельно оси вала и краю склона к ручью Малой Елшанке. Частокольная канавка была заполнена грунтом, отнесенным к «первому горизонту», т. е. она или предшествовала его образованию, или была синхронна ему. Она имела отлогие стенки, треугольное поперечное сечение, ширину по верху 50–80 см и глубину 50–60 см. Проходила она по самому краю склона в долину речки. Следов древесины в ней не сохранилось, поэтому можно думать, что дерево было целенаправленно вынута из нее. Со стороны города вдоль нее, на расстоянии около 1 м, размещались пять столбовых ям глубиной не более 50 см (рис. 2: В). Вся эта конструкция могла принадлежать частоколу, к которому со стороны города была сделана подсыпка земли для выравнивания поверхности. Столбы рядом с частоколом могли служить опорами узкого боевого хода, пристроенного к частоколу. После ликвидации частокола грунт подсыпки заплыл в опустевшую канавку.

Последующие (со второго по четвертый) строительные горизонты, по мысли руководителей раскопок, представляли собой насыпи из различных супесей и суглинков. Но, как

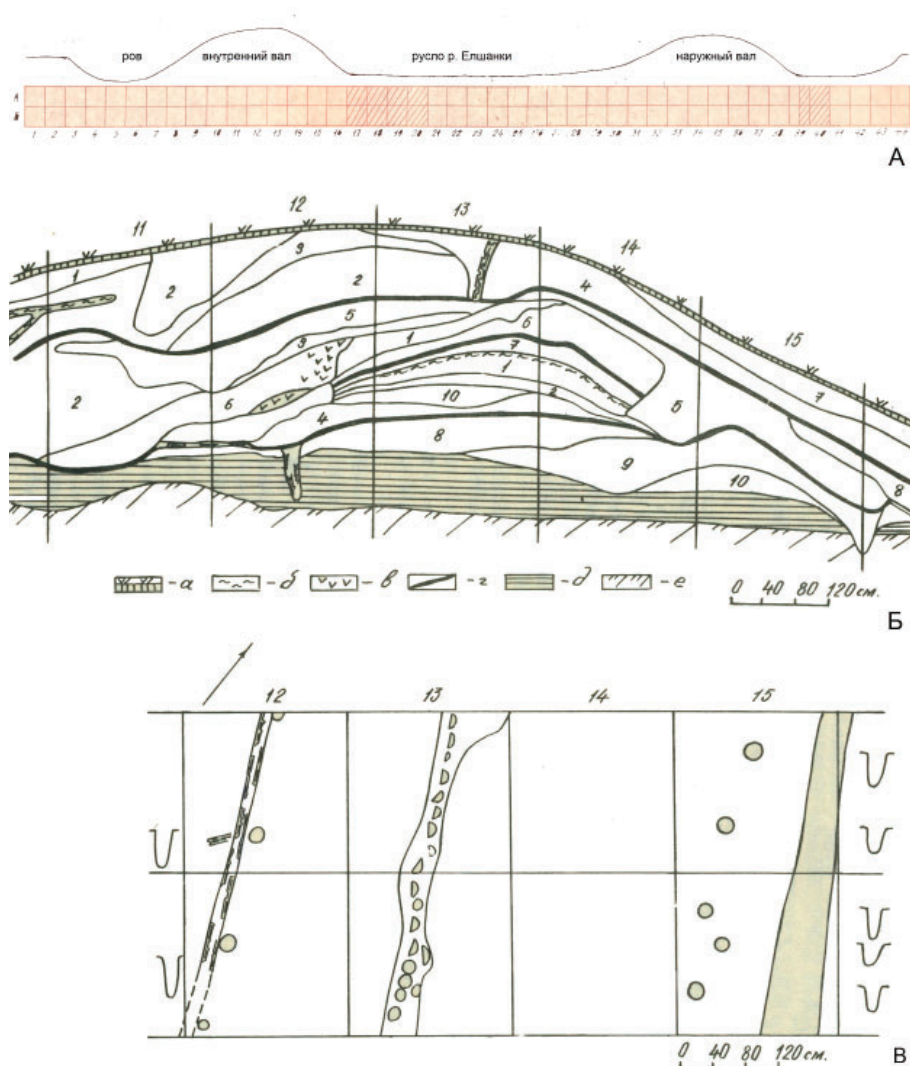

Рис. 2. Вал I внутреннего города Биляра. **А** – план и абрис дневной поверхности раскопа XXX (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 2а); **Б** – фрагмент северо-западного профиля раскопа XXX с разрезом вала I (по: Кавеев, Хузин, 1985, рис. 2); **В** – фрагмент сводного плана раскопа XXX (Кавеев, Хузин, 1985, рис. 3).

Fig. 2. Rampart I of the inner city of Bilyar. **A** – plan and outline of the daylight surface of excavation XXX (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 2a); **Б** – fragment of the northwestern profile of excavation XXX with a section of rampart I (according to: Kaveev, Khuzin, 1985, fig. 2); **В** – fragment of the consolidated plan of excavation XXX (Kaveev, Khuzin, 1985, fig. 3).

уже отмечалось выше, такое членение насыпи неубедительно. С третьим строительным горизонтом руководители раскопок связывали и «ров», примыкавший к валу со стороны города, который имел ширину 8 м и глубину 1,5 м (рис. 3: А)⁶. Вообще, сама интерпретация открытого сооружения в виде рва остается пока гипотетической, поскольку он зафиксирован только в одной точке на карте городища. Подобные размеры и профилировку мог иметь, например, котлован погреба крупной постройки.

По затекшему с площадки городища культурному слою «ров» датирован началом –

серединой XII в. Назначение его определено в качестве источника грунта для вала и противопожарной линии для предохранения деревянных укреплений на валу. Оба варианта возможны, но только теоретически, поскольку очевидно, что строителям укрепления удобнее было брать землю со склона к руслу Малой Елшанки, чтобы увеличить крутизну этого склона и углубить русло ручья, с успехом заменявшего ров. К тому же ров с внутренней стороны от оборонительной линии создавал бы серьезные трудности для перемещения войск вдоль нее, особенно в дождливое время, когда этот ров становился бы труднопроходим

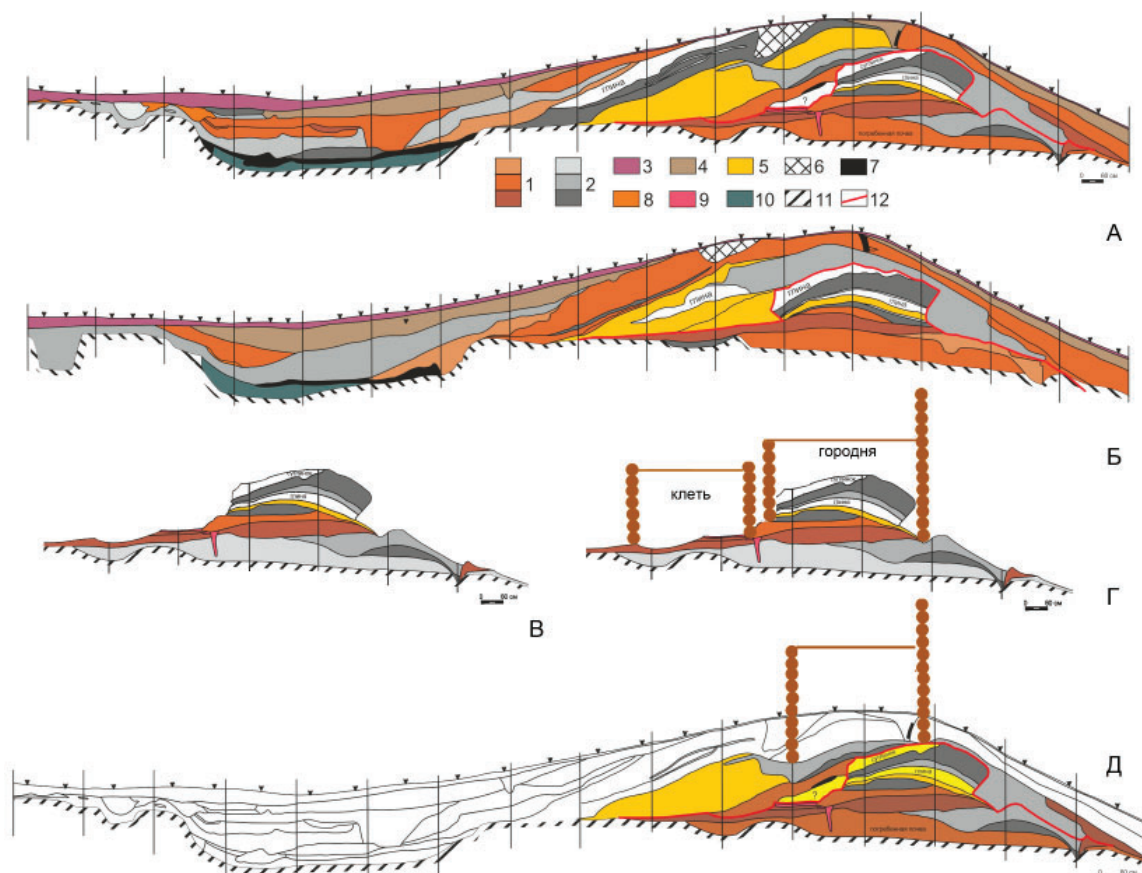

Рис. 3. Разрезы вала I внутреннего города Биляра. А – северо-западный профиль раскопа XXX на участке вала I (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 10); Б – юго-восточный профиль раскопа XXX (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 5) в зеркальном отображении (для сравнения с северо-западным профилем); В – фрагмент северо-западного профиля с графической очисткой остатков первого и второго строительных горизонтов; Г – тот же фрагмент профиля с реконструкцией городни древо-земляной стены в разрезе; Д – северо-западный профиль с графической очисткой руин первой древо-земляной стены и реконструкцией стены следующего этапа (третьего строительного горизонта). 1 – суглинки и супеси коричневого цвета (светлого, среднего и темного оттенков); 2 – суглинки и супеси серого цвета (светлого, среднего и темного); 3 – дерн; 4 – слой «напыла»; 5 – желтый суглинок; 6 – перекоп; 7 – уголь; 8 – обожженная глина? (в условных обозначениях отсутствует); 9 – древесная труха; 10 – илистый суглинок с торфом; 11 – материк (желтый суглинок); 12 – верхняя граница горизонтов 1 и 2.

Fig. 3. Sections of rampart I of the inner city of Bilyar. А – northwestern profile of excavation XXX at the site of rampart I (according to Kaveev and Khuzin, 1982, fig. 10); Б – southeastern profile of excavation XXX (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 5) in a mirror image (for comparison with the northwestern profile); В – fragment of the north-western profile with graphic cleaning of the remnants of the first and second construction horizons; Г – same profile fragment with a cross-section reconstruction of the wooden framework of a wood-earth wall; Д – north-western profile with graphic cleaning of the ruins of the first wood-earth wall and reconstruction of the wall of the next stage (the third construction horizon). 1 – loams and sandy loams of brown color (light, medium and dark shades); 2 – loams and sandy loams of gray color (light, medium and dark); 3 – turf; 4 – the 'influx' layer; 5 – yellow loam; 6 – cross-ditch; 7 – coal; 8 – baked clay? (not included in the legend); 9 – wood dust; 10 – muddy loam with peat; 11 – natural ground (yellow loam); 12 – upper boundary of horizons 1 and 2.

из-за сливавшейся в него воды и раскисшей глины. Видимо, при будущих исследованиях вала I следовало бы уделить особое внимание этому «рву», проверив его наличие в других местах.

На профилях разреза вала в раскопе XXX бросается в глаза выделяющийся массив прослоек, как бы «обрубленный» с северо-

востока и юго-запада, который имел ширину около 4 м и высоту до 1,5 м, причем такая его конфигурация наблюдалась в обоих профилях раскопа (рис. 2: Б; 3: А, Б). В состав массива входили прослойки, залегавшие почти горизонтально, но с некоторым выгибанием их центра вверх. Именно так выглядят обычно остатки заполнения городней древо-земля-

ных стен, обнаруживаемые в валах древнерусских городов (Моргунов, 2009, рис. 30–32, 34). Метод «графической очистки» профиля, разработанный Ю.Ю. Моргуновым, позволяет отделять эти остатки от продуктов разрушения стен и позднейших отложений и наглядно показать, что же оставалось от некогда стоявшей тут стены (рис. 3: В). Отсутствие на профилях раскопа следов древесины по обеим (внешней и внутренней) сторонам этого массива можно объяснить тем, что она могла полностью истлеть, превратившись в тонкие (около 1 см) тленистые прослойки, зафиксировать которые могли бы только те археологи, которые уже имели опыт раскопок таких конструкций. Но в 1980-х гг. археологов, обладавших подобными знаниями и опытом, не существовало. Более того, теория древнерусских древо-земляных стен тогда еще только зарождалась (впервые эта мысль была кратко высказана Г.В. Борисевичем печатно в 1987 г.). Конечно, если бы в раскоп попали боковые стенки срубов-городней, то по ним можно было бы догадаться об былом существовании тут стен, но для этого необходимо было делать горизонтальные зачистки по всей площади раскопа, а такого методического требования в рассматриваемый период еще не было и подобные зачистки при раскопках валов делали в 1950–1970-х гг. только выдающиеся археологи (например, Д.А. Авдусин и М.В. Седова). При ширине траншеи в 4 м шанс попасть раскопом на такой узел был велик, но реализовался ли тогда этот шанс, установить уже невозможно.

Таким образом, стена срубной конструкции сменила здесь легкую частокольную ограду и стала самым древним древо-земляным защитным сооружением Биляра. Ширина стены составляла около 4 м, следовательно, и длина городней могла быть такой же или чуть меньшей (в русских городах срубы городней делались квадратными либо их длина была меньше ширины, однако не известно, какие нормы практиковались в Волжской Булгарии). Высота стены, судя по объему осыпей, сформировавшихся из грунта, обрушившегося к подножию стены из верхней, разрушенной, части городней, могла составлять 2–2,5 м, а с учетом бруствера общая высота лицевого панциря стены могла достигать 3,5 м. Именно руины этой стены и составляли настоящий второй строительный горизонт в валу I (рис. 3: Г).

Надо заметить, что стены древнерусских городов, в особенности крупных, столичных, строились с двумя-тремя рядами городней, что увеличивало толщину стены до 7–12 м, а в Киеве, например, ее толщина превышала 20 м. Во внутреннем городе Биляра не наблюдается второго ряда городней, что заметно отличается болгарскую традицию от древнерусской. Однако в русских городах к рядам городней с внутренней стороны нередко пристраивался ряд пустотелых клеток. И в валу I имеются плохо сохранившиеся следы подобной деревянной постройки – они обнаружены под юго-западным склоном вала, где над поверхностью погребенной почвы была зафиксирована полоса древесной трухи шириной 20 см, вплотную к которой с востока отмечены четыре столбовые ямки, прорезавшие подсыпку грунта «первого горизонта». Судя по северо-западному профилю раскопа, древесный тлен читался и западнее этой полосы, которая, возможно, маркировала восточную стену пустотелой клетки, пристроенной к городням (рис. 3: А). К западу от нее в таком случае фиксировалась в профиле либо перпендикулярная стенка клетки, либо ее пол.

Древо-земляная стена могла простоять 30–50 лет, после чего она либо разрушалась естественным путем, либо ее разбирали и перестраивали. В результате разрушения стены горизонта 2 образовалась земляная платформа высотой 2 м и шириной 6–7 м, на которой было достаточно места для строительства новой стены из одного ряда городней шириной около 4 м (рис. 3: Д). Как показывает опыт изучения древнерусских валов, руины позднейших (последних по времени строительства) стен редко сохраняют следы древесины и даже внутренней структуры заполнения городней, за исключением случаев, когда эти стены сгорали в пожаре, как, например, это случилось в 1237 г. в Старой Рязани (Стрикалов, 2011, рис. 11). Поэтому трудно делать окончательный вывод о том, была ли тут поставлена новая стена, полностью разрушившаяся от ветхости, или вместо нее был сформирован вал. Второй вариант тоже возможен, поскольку в Волжской Булгарии применялась и такая система организации обороны городов (Коваль, Русаков, 2018). Для выяснения этого важного вопроса потребуются новые, более тщательные раскопки вала внутреннего города. В любом случае верхняя

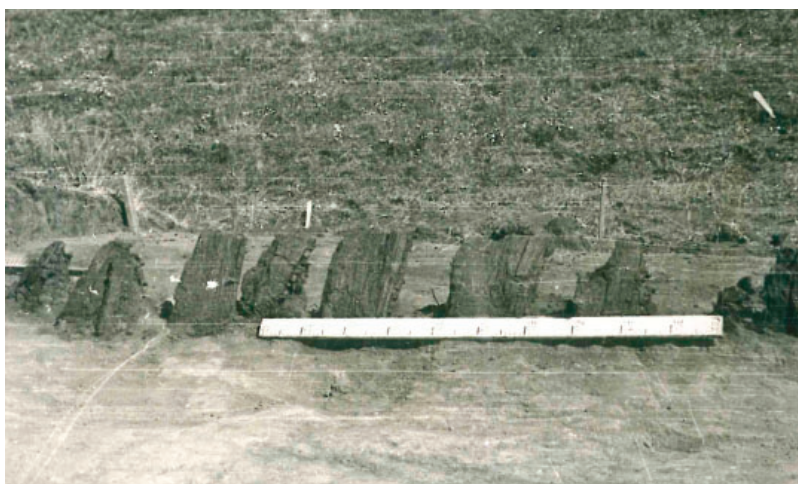

Рис. 4. Остатки частокола на вершине вала I (по: Кавеев, Хузин, 1981, рис. 70)

Fig. 4. Remains of a picket fence at the top of rampart I (according to Kaveev and Khuzin, 1981, fig. 70)

часть вала I является остатками третьего горизонта оборонительного сооружения.

Разумеется, вал, сформировавшийся после разрушения последней (самой поздней) древо-земляной стены, также мог использоваться для целей обороны. В этом случае на его гребне должны были ставиться какие-то дополнительные деревянные сооружения, прикрывавшие защитников. И действительно, там была обнаружена частокольная канава с сохранившимися в ней нижними частями вертикально установленных бревен частокола. Ширина канавы 30–60 см, глубина 40–60 см. Частокол, помещенный в канаву, включал четыре бревна диаметром 20 см и полтора десятка расколотых пополам бревен такого же диаметра, установленных выпуклой стороной в сторону поля на расстоянии 10–12 см друг от друга (Кавеев, Хузин, 1981, л. 119, 120) (рис. 2: В; 4). Такая разреженность бревен частокола труднообъяснима, поскольку она заметно снижает (если не полностью исключает) его оборонительное назначение. Однако она могла образоваться в ходе усыхания древесины, а в момент функционирования частокола все бревна стояли еще вплотную друг к другу. Хотя бревна были обнаружены в углистом заполнении частокольной канавки (правда, она читалась только в северо-западном профиле, а на юго-восточном не обозначена) и их поверхности были обуглены на глубину 1 см, в отчете ничего не говорится о следах прокаленности примыкавшего к ним грунта. Все это заставляет думать, что обуглены были только самые верхние части бревен, а нижние их концы, закопанные в канавку, такой обугленности не имели. Нельзя также

исключать естественного обугливания древесины без воздействия на них огня.

Зато было зафиксировано, что бревна этого частокола стояли не вертикально, а с наклоном. А.М. Губайдуллин допускал, что частокол завалился в результате его разрушения (2016, с. 230), с чем нельзя не согласиться: глубина частокольной канавы была недостаточно велика, а рыхлый грунт забутовки канавы провоцировал такую деформацию. Однако этот вариант полностью противоречит другому, гораздо менее вероятному, предложенному тем же автором, о том, что «при наклоне внутрь» такой частокол мог способствовать ricochetу снарядов, выпущенных камнеметами противника (Губайдуллин, 2016, с. 230; 2019, с. 56). Вопрос состоит, однако, в том, в какое время возникла эта ограда: могла ли она быть построена накануне штурма города монголами в 1236 года (Хузин, Кавеев, 1985, с. 52)? Ведь за 850 лет древесина, размещавшаяся буквально на поверхности вершины вала, т. е. в самом сухом и наиболее доступном действию сил природы месте, должна была полностью истлеть (чего в данном случае не произошло). Поэтому гораздо более вероятным кажется связывать этот частокол с Билярским острогом засечной черты XVII века, на что фактически первым указал А.М. Губайдуллин, сообщая о работах по строительству этого острога (Шакиров, Хузин, Губайдуллин, 2007, с. 137). Нельзя даже исключать еще более поздней даты такой ограды, если допустить ее хозяйственно-бытовое назначение. А вот те следы боевых действий, которые были найдены при раскопках верхней части вала (наконечники стрел, человеческие кости),

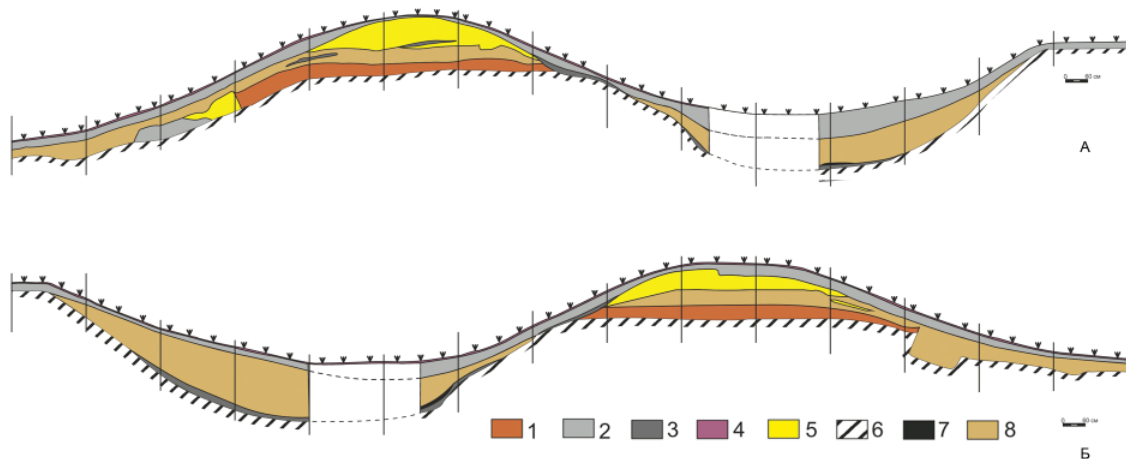

Рис. 5. Разрезы вала II и рва перед ним в раскопе XXX (1982 г.). **А** – северо-западный профиль траншеи; **Б** – юго-восточный профиль траншеи. 1 – погребенная почва (плотный коричневый суглинок); 2 – светло-серая супесь; 3 – темно-серая супесь; 4 – дерн; 5 – суглинок или глина (материковый грунт); 6 – материк (желтый суглинок); 7 – уголь; 8 – пестроцветный грунт.

Fig. 5. Sections of rampart II and a ditch in front of it in excavation XXX (1982). **A** – northwestern profile of the trench. **B** – southeastern profile of the trench. 1 – buried soil (dense brown loam); 2 – light gray sandy loam; 3 – dark gray sandy loam; 4 – turf; 5 – loam or clay (natural ground soil); 6 – natural ground (yellow loam); 7 – coal; 8 – variegated soil.

вполне могли попасть сюда действительно еще в 1236 г. Определить, к какому времени принадлежал открытый частокол, можно было бы, проведя его радиоуглеродный анализ, но в 1981 г. такой анализ применялся еще в исключительных случаях, и по понятным причинам образцы для него отобраны не были. Однако это исследование ее еще не поздно осуществить, если отобрать образцы из остатков частокола на участках рядом с раскопом XXX, тем самым получив неоспоримые аргументы в этой дискуссии.

Все три строительных горизонта, фиксируемых внутри вала I, скорее всего, укладывались во временные рамки 100–120 лет (20–30 лет существования первоначального частокола и по 30–50 лет функционирования древо-земляных стен). Независимо от того, какую дату начала фортификационного строительства Биляра принимать (X или XI–XII вв.), это строительство закончилось задолго до 1236 г. Таким образом, к моменту штурма города вал I представлял собой уже полностью руинированную оборонительную линию.

Разрез вала II и рва перед ним, проведенный в 1982 г. (рис. 1: 8; 2: А; 5), был опубликован (Хузин, Кавеев, 1985, рис. 4), однако в малоформатном издании разрез рва пришлось поместить под разрезом вала, что усложняло восприятие объекта. К тому же опубликован

был только один из профилей раскопной траншеи. Никаких следов «навалных конструкций» тут не обнаружено, из чего был сделан несколько поспешный вывод о том, что их тут никогда и не было.

Вал II имел в месте прорезки ширину 8 м и высоту 1,2 м, ров – ширину 14–15 м и глубину до 3,5 м. При этом ров был почти наполовину заполнен «пестроцветным» грунтом, структура которого в отчете не описана. Объем грунта в валу в месте прорезки был почти в два раза меньше, чем объем рва в момент его выкапывания. Это означает, что первоначальный вал (или древо-земляная стена? Такой вариант тоже вполне возможен) был существенно выше. Исходя из того объема грунта, который был вынут из рва, высота вала могла достигать в прошлом 3,5 м (а если ставилась стена, то ее высота могла составлять до 5 м). Но совершенно невозможно допускать, что половина вала «оползла» в ров сама собой. Видимо, верхняя часть вала (или заполнения городней стены?) была сознательно сброшена в ров, а это должно было потребовать больших затрат труда и значительного человеческого ресурса. Размеры рва перед валом II говорят о выдающихся размерах этой фортификационной линии в прошлом.

Датировка вала определена по комплексу керамики и находок в насыпи и в запол-

нении рва в пределах второй половины XII – начала XIII вв. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 54). Эта дата еще раз подтверждает вывод о том, что рвы с сегментовидным (полукруглым) сечением стали характерны для болгарского оборонного зодчества начиная не ранее чем с конца XI – XII вв. (Коваль, Бадеев, 2021, с. 19).

Создание вала II, т. е. второй линии обороны вокруг внутреннего города, могло быть либо синхронно «третьему горизонту» вала I, либо относиться к еще более позднему времени, когда к валу II перешла роль главного защитного сооружения внутреннего города. Как вал II соотносился с валами так называемого «форта» у восточного угла внутреннего города, остается неясным, но если доверять выводу о датировке вала «форта» не ранее конца XII в. (см. выше), то «форт» надо признать самым поздним защитным сооружением этой части города, назначение которого пока не вполне ясно. Если бы строительство вала II означало переход от «крепостной» фортификации, опиравшейся на кольцо стен, к системе многорядных валов, нацеленной на противодействие конным отрядам, то он потребовал бы отказа от обороны города пешими защитниками стен и в пользу использования мобильных конных отрядов, контролировавших весь периметр валов (Коваль, 2018; Коваль, Русаков, 2018, с. 71–74). Однако при такой системе маленький «форт» совершенно бесполезен и даже вреден обороне. Поэтому его строительство может быть косвенным признаком того, что вал II является руиной древо-земляной стены. Кроме того, вал II стоит на внешнем краю долины р. Малой Елшанки и сразу за ним размещается пойма ручья, значительную часть года заболоченная или заваленная снегом, т. е. малоприспособленная для передвижения конницы вдоль стен. Все это означает, что оборона внутреннего города в XII в. продолжала базироваться на прежней «крепостной» системе, использовавшей вертикальную преграду (стену), защищаемую пешими воинами. Но данный вывод является все же исключительно логическим и без подкрепления данными раскопок не может претендовать на однозначность. Поэтому отсутствие надежных данных о конструкции оборонительных сооружений, остатками которых являются вал II и вал «форта», является критически важны-

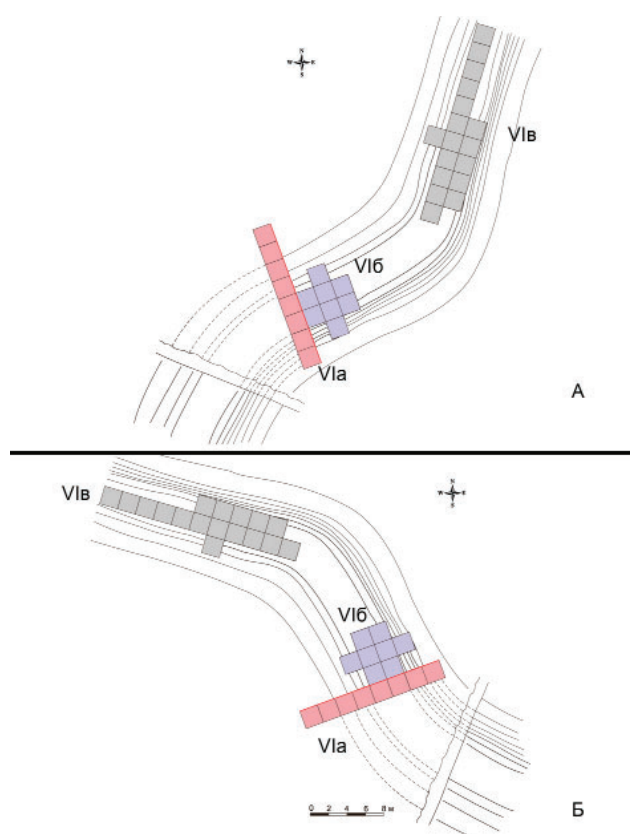

Рис. 6. Схема расположения раскопа VI (участки а, б, в) (1968 г.). А – в отчете А.Х. Халикова (1968, рис. 1); Б – реальное положение раскопа и участка вала на местности.

Fig. 6. Layout of excavation VI (sites a, b, c) (1968).

А – in the report by A.H. Khalikov (1968. Fig. 1);

Б – the actual position of the excavation and the rampart section on the ground.

ми для правильного понимания всей системы обороны Биляра.

Укрепления внешнего города

Вал III

Наиболее интересные результаты были получены на восточном участке вала III, изучавшемся в 1968 (раскоп VI) и 1982 (раскоп XXXV) годах (рис. 1: 1, 9). В 1968 г. исследования были проведены рядом с поздним прокопом в валу в виде траншеи длиной 16 м и шириной 2 м, прорезавшей вал почти перпендикулярно его оси (раскоп VIa). При этом, правда, в отчете были допущены многочисленные ошибки в указании ориентировки раскопа. Уже на ситуационном плане (рис. 6) (Халиков, 1968, рис. 1) весь участок проведения работ был развернут на 90 градусов влево: это становится очевидным при сравнении ситуационного и общего планов городища.

На раскопе VIa пластовые планы не фиксировались вовсе, был снят только один северо-западный профиль этой траншеи, опубликованный А.Х. Халиковым (1976, рис. 15), однако в публикации этот разрез подвергся существенным искажениям по сравнению с отчетным чертежом – как по конфигурации прослоек, так и по их грунтовому содержанию (ср. рис. 7: А, Б). В частности, на опубликованном разрезе появились линзы угля, которых нет на отчетном чертеже, а линза золы на дне рва под валом была уменьшена в размерах почти в четыре раза. Таким образом, опубликованный чертеж разреза нельзя считать полностью достоверным документом. Публикуемый отчетный чертеж разреза вала (рис. 7: Б) представлен в схематическом виде с условной закраской прослоек в соответствии с теми обозначениями, которые имеются на чертеже.

А.Х. Халиков выделял в этом валу три насыпи (рис. 7: А). Первую из них он помещал между склоном к р. Большой Елшанке и рвом шириной 5 м и глубиной 1,1 м, выявленным под валом, не обратив внимания на то, что «насыпь I» была фактически не насыпью вала, а засыпью внешней части рва, причем эта засыпь состояла не из грунта, вынутого из долины Большой Елшанки, а из культурного слоя, насыщенного углями (рис. 7: Б, этот массив помечен звездочкой). «Второй насыпью» А.Х. Халиков фактически называл слои засыпки рва, верхняя точка которых поднималась над поверхностью площадки городища едва ли более чем на 1 м. Хотя между рвом и склоном в долину Елшанки слишком мало места для размещения вала, это место могло иметься в древности, поскольку склон долины в этом месте вполне мог быть сильно эрозирован. Создание рва позади вала, а не перед ним, как того требуют законы фортификации, нельзя считать совершенно невозможным, однако оно неизбежно создавало бы защитникам города большие трудности (см. выше о предполагаемом подобном рве у вала I). Поэтому более вероятным представляется создание вала (если это был именно вал, а не стена) все-таки к западу от рва. Если верхняя часть этого вала (или засыпки городской стены?) состояла из культурного слоя, принесенного с площади города, то при обратной засыпке рва этот грунт и был бы первым сброшен в ров, т. е. вполне мог занять позицию на его контрэскарпе. Но полной уверенности в

такой интерпретации, конечно, нет. Поэтому вопрос о назначении открытого в 1968 г. рва и размещении рядом с ним вала далек пока от окончательного решения.

В «насыпи III» разреза 1968 г. никаких признаков рунированной древо-земляной стены (подобных имеющимся в валу I) не наблюдалось, но такие признаки обнаружились на других участках того же раскопа. Наряду с траншеей, прорезавшей вал (участок «а» раскопа VI), проводились также вскрытия центральной части вала (участки «б» и «в»), которые имели сложную конфигурацию и немалую площадь: участок «б» – 32 кв. м, участок «в» – 68 кв. м (рис. 6). Работы на этих участках велись без фиксации пластовых планов и профилей, но на сводные планы наносились полосы древесного тлена с отметками их залегания. Эти планы участков представлены в отчете, однако сориентированы они так же неверно, как и ситуационный план раскопа, т. е. с отклонениями до 90 градусов (рис. 8, 9). Кроме того, план участка «в» представлен лишь для части его площади (Халиков, 1968, рис. VII).

На участке «б» были зафиксированы одно обугленное бревно и несколько зон, в которых полностью истлевшие бревна лежали одно поверх другого, причем во всех этих зонах они размещались перпендикулярно оси вала и лишь одно небольшое бревно располагалось вдоль оси (Халиков, 1968, рис. III) (рис. 8). Хотя ни фасировка этих бревен, ни какие-то иные их характеристики не были опубликованы, А.Х. Халиков счел возможным писать о «городнях» шириной 1,5–2 м на вершине «насыпи II» (1976, с. 52), понимая под ними, вероятно, пустотелые срубы. Как показывает чертеж раскопа, ни одного угла у предполагаемого сруба тут обнаружено не было, но зато имелаась вертикальная стенка длиной до 6 м и высотой 160 см, состоявшая из истлевших бревен. Сколько было таких бревен, не установлено, но исходя из средней ширины бревен на плане раскопа в 20 см (т. е. таков был их диаметр), их могло тут располагаться не менее восьми. Стенка действительно могла принадлежать срубу городни, углы и другие стенки которого не были зафиксированы при раскопках в силу несовершенства применявшейся в те годы методики.

Отсутствие пластовых чертежей не позволяет установить, с какими грунтами была

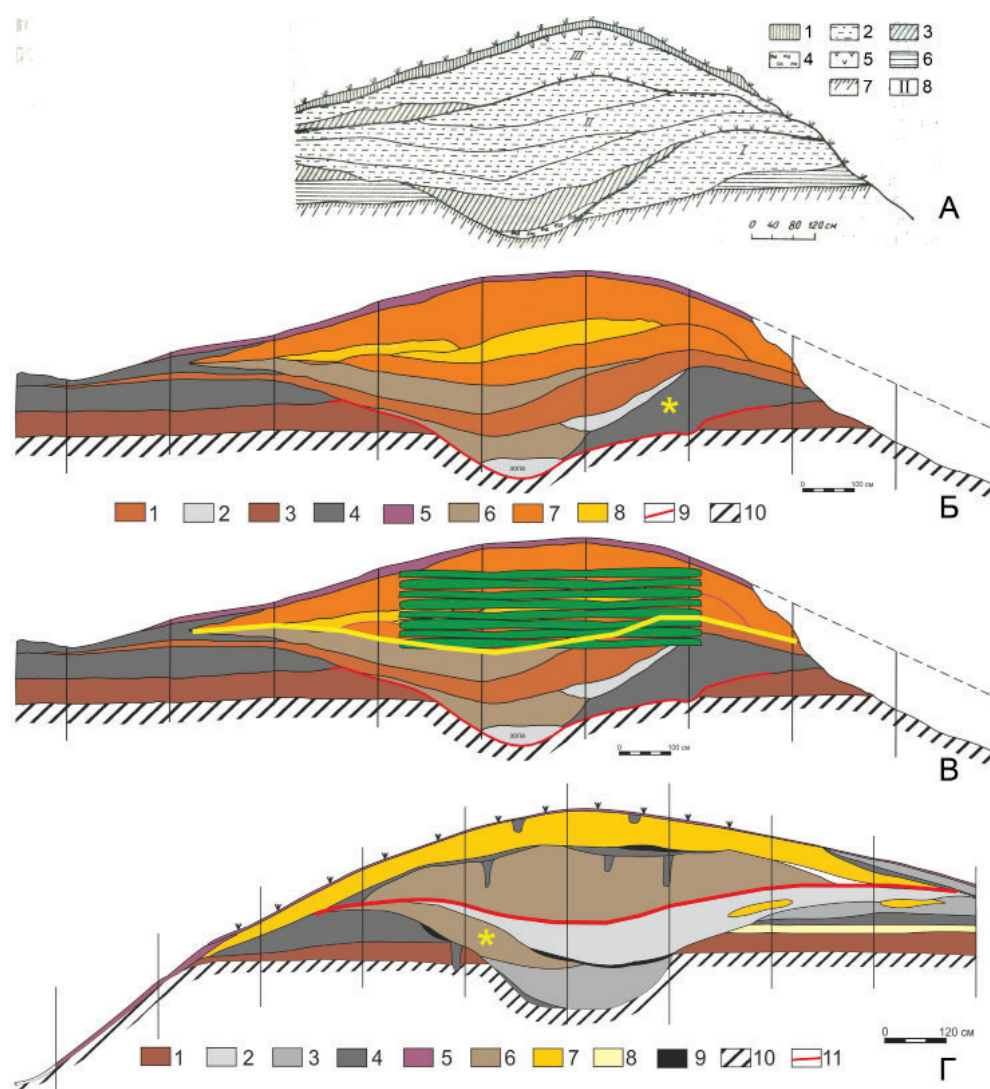

Рис. 7. Разрезы вала III. **А** – в раскопе VI (1968 г.) по северо-западному профилю траншеи (Халиков, 1976, рис. 16): 1 – дерн; 2 – глинистые и суглинистые насыпи; 3 – культурный слой (серая и темно-серая супесь); 4 – зола; 5 – уголь; 6 – погребенная почва; 7 – материк; 8 – номера горизонтов насыпи. **Б** – тот же профиль по отчетной документации (Халиков, 1968, рис. II): 1 – коричневый суглинок; 2 – подзол; 3 – погребенная почва (темно-коричневый суглинок); 4 – темный гумированный слой с углями; 5 – дерн; 6 – пестроцветный грунт; 7 – красная глина; 8 – желтый суглинок; 9 – дно первоначального рва; 10 – материк. **В** – разрез вала III с проекцией на него стенки сруба, открытой на участке «б» (зеленым цветом показаны бревна, желтой линией – поверхность, на которой мог строиться этот сруб). **Г** – разрез вала III по восточному профилю раскопа XXXV 1982 г. (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 30): 1 – погребенная почва (темно-коричневый суглинок); 2 – светло-серая супесь с углями, золой и костями животных; 3 – серая супесь с золой и углями; 4 – темно-серая супесь; 5 – дерн; 6 – пестроцветный грунт с углями и золой; 7 – желтый суглинок; 8 – песок; 9 – уголь; 10 – материк; 11 – линия поверхности строительства древо-земляной стены внешнего города.

Fig. 7. Sections of rampart III. **A** – in excavation VI (1968) along the north-western profile of the trench (Khalikov, 1976, fig. 16): 1 – turf; 2 – clay and loam mounds; 3 – cultural layer (gray and dark gray sandy loam); 4 – ash; 5 – coal; 6 – buried soil; 7 – natural ground; 8 – numbers of embankment horizons. **Б** – same profile according to report documents (Khalikov, 1968, fig. II): 1 – brown loam; 2 – black ash; 3 – buried soil (dark brown loam); 4 – dark top soil with coals; 5 – turf; 6 – variegated soil; 7 – red clay; 8 – yellow loam; 9 – original moat bottom; 10 – natural ground.

В – section of rampart III with a projected log house wall uncovered in section b (the logs are shown in green, the possible building surface of the log house is shown in yellow). **Г** – section of rampart III along the eastern profile of excavation XXXV in 1982 (Kaveev and Khuzin, 1982, fig. 30): 1 – buried soil (dark brown loam); 2 – light gray sandy loam with coals, ashes and animal bones; 3 – gray sandy loam with ash and coals; 4 – dark gray sandy loam; 5 – turf; 6 – variegated soil with coals and ashes; 7 – yellow loam; 8 – sand; 9 – coal; 10 – natural ground; 11 – construction surface line of the wood-earth wall in the outer town.

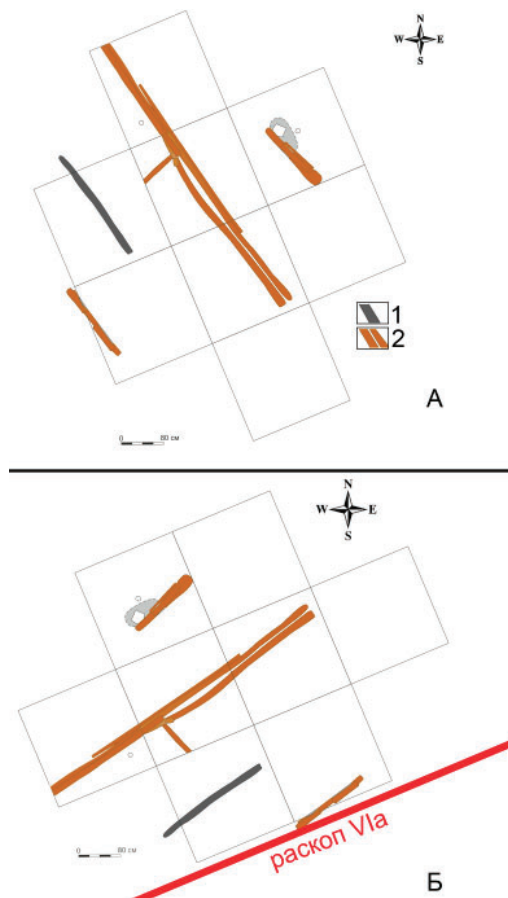

Рис. 8. Раскоп VI (1968 г.). Участок «б». А – по отчетной документации (Халиков, 1968. Рис. III); Б – реальное расположение участка в пространстве. 1 – обугленное бревно; 2 – древесный тлен.

Fig. 8. Excavation VI (1968). Site b. А – according to report documents (Khalikov, 1968, fig. III); В – actual location of the site in space. 1 – charred log; 2 – wood dust.

невелики по размерам, что использовать их для каких-то реконструкций затруднительно: это могли быть остатки как других боковых стенок городней, так и перегородок внутри этих срубов. Разумеется, если бы раскопки проводились тут по современной методике с фиксацией даже небольших отрезков древесного тлена, можно было бы получить гораздо больше информации (вариант такой методики разработан Ю.Ю. Моргуновым (2019, с. 9; рис. 1)), но в 1968 г. таких навыков у археологов России еще не было.

Работы на самом большом по площади участке «в» раскопа VI оказались наименее результативными, поскольку были организованы фактически в траншее, разрезавшей гребень вала по его оси. Однако и тут удалось в одном месте зафиксировать фрагменты истлевшей древесины, залегавшие в положениях, перпендикулярных друг другу (Халиков, 1968, рис. VII) (рис. 9). Это позволяет допускать, что и здесь когда-то стояли городни древо-земляной стены, которые полностью истлели. Кроме того, из чертежа неполного профиля по стенке одного из квадратов этого раскопа становится ясно, что в верхней части вала тут присутствовали обломки кирпичей, составлявшие там даже прослойки толщиной до 20 см, названные в подписи к чертежу

связана обнаруженная стенка, однако если спроецировать ее на разрез вала (от отметки -60 см до глубины -220 см от нулевой точки, находившейся на гребне вала), то она займет положение в верхней его части, определяя своей подошвой границу, которая отделяла засыпку раннего рва (рис. 7: В). Неровность этой границы стала результатом просадки насыпи в ров, так что в момент строительства она вполне могла быть горизонтальной. Таким образом, после засыпки рва на созданной платформе могла быть возведена древо-земляная стена толщиной не менее 6 м. Такую стену трудно построить из одного ряда городней, но отсутствие явных разрывов в зафиксированной бревенчатой стенке не оставляет возможностей для однозначных выводов. Установить это можно было бы только в случае тщательной фиксации каждого бревна в отдельности, чего, разумеется, в 1968 г. не проводилось. Остальные фрагменты древесины, обнаруженные на участке «б», столь

Рис. 9. Раскоп VI (1968 г.). Участки «а», «б», «в» с обозначением выявленных деревянных конструкций.
Fig. 9. Excavation VI (1968). Sites a, b, c with designations of identified wooden structures.

«кирпичной забутовкой» (Халиков, 1968, рис. VIII). Это означает, что при создании древо-земляной стены широко использовался строительный мусор от разбиравшихся в городе старых кирпичных строений, что лишний раз подтверждает позднюю датировку оборонительной линии внешнего города, предлагавшуюся А.Х. Халиковым в пределах XII в. Вместе с тем, ров под валом он датировал X веком (Халиков, 1976, с. 52), что представляется неубедительным, поскольку в этом случае хронологический разрыв между созданием рва и его нивелировкой для строительства стены достигал бы двух столетий. За эти 200 лет ров неизбежно должен был оплыть и заилиться, что оставило бы мелкослойные заплывы, образующиеся в углублениях, долгое время остававшихся под открытым небом и подвергавшихся действию осадков. Но ни автор раскопок, ни чертежная документация не содержат упоминания таких заплывов, а это значит, что ров был засыпан довольно скоро после своего создания. Вторым аргументом против ранней датировки этого рва является его плавный профиль с уплощенным или округлым (см. ниже) дном, что резко отличает его от треугольных в сечении рвов IX–X вв., известных в Болгаре (Губайдуллин, 2019, с. 60–63). Рвы такой профилировки появляются Волжской Булгарии лишь с конца XI – XII вв. (Коваль, Бадеев, 2021, с. 19).

В 1982 г. в 30 м к северо-западу от участка «в» раскопа VI был заложен еще один раскоп под номером XXXV, которым была проведена зачистка борта бульдозерной траншеи, прорезавшей вал (Хузин, 1985, рис. 3; с. 69–72). Раскоп представлял собой зачистку обнажения, расширенную до 1 м⁷. Полученный разрез (восточный профиль траншеи)⁸ показал картину, очень близкую зафиксированной в 1968 г.: здесь также виден ранний ров с полукруглым дном (шириной 3,6 м и глубиной 1,5 м), в засыпи которого на контрэскарпе также фиксируется прослойка сброшенного сюда культурного слоя (рис. 7: Г, *), хорошо читается почти горизонтальная площадка поверх засыпи рва (рис. 7: Г, 11), необходимая для строительства стены, однако следов самой стены тут по очевидным методическим причинам не обнаружено.

На профиле 1982 г. прослежены и некоторые новые элементы, не замеченные в раскопе 1968 г. Прежде всего, вплотную к внешнему

краю рва зафиксирован (как в профиле, так и в плане, на зачистке погребенной почвы) частокол в виде цепочки из забитых в почву кольев (частокольной канавки тут не было), проходившей параллельно краю долины Большой Елшанки, в 4 м от нее (Хузин, 1985, рис. 3). Согласно отчету, было выявлено восемь ямок диаметром до 20 см и глубиной до 40 см. Расстояния между кольями варьировали от 5 до 20 см. Автор публикации предполагает, что это частокол, сознательно установленный перед рвом, что более чем сомнительно. Частокол из редко (и неглубоко) забитых кольев не мог служить защитным сооружением, а размещение его по внешнему краю рва противоречит правилам фортификации, т. к. такая ограда служила бы только для прикрытия наступающего противника от стрел защитников города. Этот частокол мог вообще не иметь никакого отношения к фортификации, являясь усадебной оградой. В любом случае его надо относить к более раннему времени, чем выкапывание рва.

Вторым отличием раскопа XXXV были прослойка желтого материкового суглинка толщиной 40–70 см, залегавшая непосредственно под современной поверхностью вала и тем самым перекрывавшая руины древо-земляной стены (массив пестроцветного грунта). Эта прослойка маркирует самый поздний этап существования укрепления (после разрушения первой древо-земляной стены), который может реконструироваться двояко: либо как остатки полностью разрушившейся небольшой по размерам древо-земляной стены (объем грунта указанной прослойки явно невелик), либо как насыпь вала, перекрывшая руинированные остатки первой стены. Интересно также то, что под названной выше прослойкой желтого суглинка фиксировались столбовые ямки глубиной до 0,7 м, которые вполне могли быть оставлены забором столбовой конструкции, возведенным после превращения руин первой стены в вал.

Раскопки 1968 и 1982 гг. на валу III позволяют понять последовательность строительства оборонительных сооружений внешнего города Биляра. Но этими вскрытиями исследователи города не ограничились. Как уже отмечалось выше, имелся еще один участок вала III, к изучению которого археологи обращались несколько раз – в 1975, 1979 и 1982 гг.

Он располагался в 250–300 м к северо-востоку от раскопов VI и XXXV (рис. 1: 5, 6, 7). Разрез, зафиксированный в 1975 г., был фактически зачисткой северной стенки траншеи, образовавшейся в результате работы бульдозера по прокладке проезда в валу в хозяйственных целях. Полученный разрез (Халиков, 1975, рис. 52; Хузин, 1985, рис. 1) показал, что в этом месте вал III был существенно меньше по размерам – его ширина составляла 10 м, а высота – 1,6 м (рис. 10: А), тогда как на раскопе VI те же параметры достигали 14 м и 2,5 м.

В 1979 г. М.М. Кавеевым были проведены дополнительные исследования в этом месте: была заново зачищена северная стенка бульдозерной траншеи 1975 г., но поскольку за четыре года стенка уже осыпалась, новый разрез оказался отодвинут от предыдущего почти на 1 м к северу. Здесь насыпь вала была чуть выше – около 1,7 м (Халиков и др., 1979, рис. 123) (рис. 10: Б). После этого вдоль нового разреза была заложена траншея шириной 2 м (с локальными расширениями), северный профиль которой был также отфиксирован (Халиков и др., 1979, рис. 124). Этот, самый северный из трех параллельных разрезов прошел по месту, где высота вала достигала уже 2 м (рис. 10: Д). Оба профиля 1979 г. ранее не публиковались, хотя описание стратиграфии и общей ситуации на раскопе 1979 г. было представлено (Кавеев, 1981; Хузин, 1985, с. 60, 61).

К сожалению, и на этом участке раскопок не обошлось без досадной путаницы. Согласно чертежам 1979 г., траншея была заложена строго по линии запад – восток, хотя вал тут проходил по линии СЗ–ЮВ, поэтому на плане городища, приложенном к отчету, этот раскоп показан проходящим по линии СВ–ЮЗ (Халиков и др., 1979, рис. 1) (рис. 1: 5, 6, 7). Если бы ориентировка раскопных чертежей на север была верна, то траншея 1979 г. не была бы перпендикулярна оси вала. Однако на планах раскопа видно, что все вскрывавшиеся конструкции и прослойки были либо параллельны, либо перпендикулярны траншее. Эта загадка раскрывается в отчете 1982 г., когда исследования тут были продолжены: выясняется, что разрез тут был заложен не по линии запад – восток, а по азимуту 55°, т. е. ориентирован на СВ, почти перпендикулярно оси вала. Получается, что ориентировка раскопа 1979 г. была дана в отчете неверно⁹.

Различались и цветовые обозначения грунтов: так, М.М. Кавеев называл погребенную почву серым суглинком, тогда как А.Х. Халиков и Ф.Ш. Хузин именовали ее коричневым суглинком, такие же различия имеются и в цветовой оценке горизонтов вала, колеблющиеся от серого до желтого цвета. Само по себе разное восприятие цвета глазом человека совершенно нормально, но отсутствие единой системы оценок цвета для одного и того же памятника создает искусственные препятствия для адекватного понимания документации.

В 1975 и 1979 гг. в валу выделялись четыре горизонта¹⁰. К первому (верхнему) горизонту относилась прослойка темно-желтого (материкового) суглинка с углями толщиной 30–50 см, залегавшая на вершине и внутреннем склоне вала. На ее поверхности, прямо под тонкой дерниной, фиксировались канавки и столбовые ямки, возможно не имевшие никакого отношения к фортификационным сооружениям и представлявшие собой поздние перекопы. Второй горизонт, по описанию 1979 г., состоял из прослойки илистого грунта (цвет его не назван, скорее всего такие грунты имели серые или сизые оттенки), вероятно взятого в долине Большой Елшанки, и массива «плотного суглинка» (цвет не назван, но если это материковый грунт, то он был желтым)¹¹. Между прослойками этого горизонта фиксировались линзы древесного тлена толщиной до 10 см, залегавшие на вершине вала и его внутреннем склоне. Эти линзы были расценены в качестве остатков рухнувших деревянных ограждений, стоявших некогда на гребне вала, что представляется возможным. На поверхности прослоек этого горизонта имелись столбовые ямы глубиной до 40 см, которые также могли бы относиться к забору, возведенному на внешнем склоне вала (рис. 10: Д).

Третий горизонт насыпи состоял также из желтого материкового суглинка. На ее поверхности были зафиксированы две канавки шириной 25–30 см и глубиной 10 см, размещавшиеся под тупым углом друг к другу (рис. 10: В). В заполнении канавок присутствовал древесный тлен, так что они могли быть следами каких-то легких деревянных оград, установленных на гребне вала. Рядом с внутренним краем вала была обнаружена также врезанная в материк «канава» шириной до 3 м и глубиной не более 0,5 м, заполненная культурным слоем. Эта канава была связана исследовате-

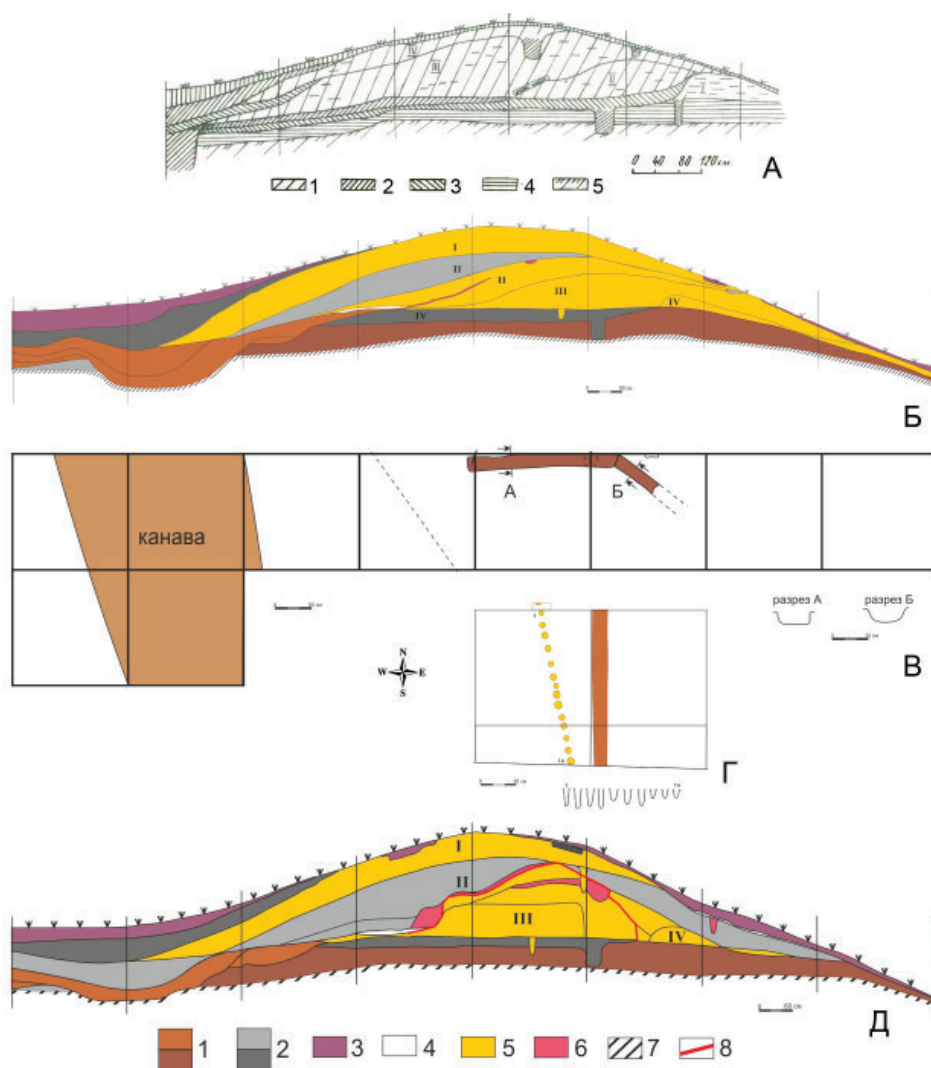

Рис. 10. Разрезы вала III. А – в зачистке 1975 г. (по: Хузин, 1985, рис. 1): 1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – плотная темно-серая супесь; 4 – погребенная почва; 5 – материк. Б – юго-восточный профиль раскопа 1979 г. в зеркальном отображении (по: Халиков и др., 1979, рис. 123). В – план поверхности горизонта III (по: Халиков и др., 1979, рис. 118). Г – план поверхности погребенной почвы под валом с частокольной канавкой и следами столбовой ограды (по: Халиков и др., 1979, рис. 120). Д – северо-западный профиль раскопа 1979 г. (по: Халиков и др., 1979, рис. 124): 1 – Коричневая супесь и темно-коричневый суглинок; 2 – серая и темно-серая супеси; 3 – дерн; 4 – зола; 5 – темно-желтый суглинок; 6 – древесный тлен; 7 – материк; 8 – граница массива грунта, относившегося к заполнению сруба-городни.

Fig. 10. Sections of rampart III. А – material cleared 1975 (according to: Khuzin, 1985, fig. 1): 1 – gray sandy loam; 2 – dark gray sandy loam; 3 – dense dark gray sandy loam; 4 – buried soil; 5 – natural ground. Б – southeastern profile of the 1979 excavation site in a mirror image (according to: Khalikov et al., 1979, Fig. 123). В – horizon III surface plan (according to: Khalikov et al., 1979, Fig. 118). Г – surface plan of buried soil under a rampart with a picket fence groove and post fence traces (according to: Khalikov et al., 1979, Fig. 120). Д – north-western profile of the 1979 excavation (according to: Khalikov et al., 1979, fig. 124): 1 – brown sandy loam and dark brown loam; 2 – gray and dark gray sandy loam; 3 – turf; 4 – ash; 5 – dark yellow loam; 6 – wood dust; 7 – natural ground; 8 – boundary of a soil mass related to filling material of the wooden framework of a log house.

лями вала именно с третьим горизонтом насыпи, т. е. они не допускали связи этой канавы со рвом, открытым под валом III в раскопах 1968 и 1982 гг. Между тем такая связь вполне возможна, хотя, конечно, лишь на уровне гипотезы, поскольку трассировка этой канавы здесь отличается размещением на значи-

тельном удалении от края долины Большой Елшанки. Однако если не принимать этой гипотезы, то придется признать, что ров, обнаруженный в раскопах VI и XXXV, располагался локально и не имел никакого отношения к фортификации, а это кажется весьма сомнительным.

Четвертым горизонтом были названы слой серой супеси толщиной до 30 см, залегающий на погребенной почве, и массив темно-желтого суглинка с внешней стороны от грунтов горизонта III, который имел ширину чуть более 1 м и толщину чуть более 0,3 м. Разумеется, ни одна из этих ничтожных по толщине прослоек не могла выступать остатками какого-то отдельно существовавшего укрепления. Под ними (конкретно, под прослойкой серой супеси) удалось зафиксировать частокольную канаву шириной 25 см и глубиной до 60 см, проходившую в 6 м от края долины ручья Большая Елшанка, параллельно ему. Предположение о конструкции ограды в виде заплота с вертикальными столбами и горизонтально уложенными бревнами между ними, высказанное М.М. Кавеевым (1981, с. 37, 38), неприемлемо, поскольку для таких оград вырывалась бы не сплошная канава, а отдельные столбовые ямы. Канавы же выкапывались именно для частоколов из вертикально установленных бревен.

Рядом с частоколом были зафиксированы следы другой ограды, от которой сохранились круглые ямки от забитых в землю кольев диаметром до 20 см, причем между ними оставались промежутки в 8–16 см. Этот ряд столбов проходил не параллельно канаве, а под углом 25 градусов к ней (рис. 10: Г), а уже одно это ясно говорит о одновременности данных оград и исключает возможность принадлежности их к одной конструкции. Кроме того, профили фиксируют прорезание столбами слоя серой супеси, а в отношении канавы такого наблюдения сделано не было, т. е. частокольная канава возникла однозначно раньше. И именно она может претендовать на роль самого раннего фортификационного сооружения, тогда как ограда из забитых в землю столбов с большими промежутками между ними могла служить лишь чисто хозяйственным целям (как ограждение усадьбы).

Северный профиль траншеи 1979 г. имеет еще несколько важных черт, на которые следует обратить внимание. Прежде всего, в отличие от двух ранее снятых профилей, на этом чертеже восточные границы «горизонта III» имеют участки строго вертикального или близкого к вертикальному положения. Хотя эти детали не привлекли внимания исследователей раскопа и никак не отражены в тексте отчета, они вряд ли являются ошибкой фикса-

ции. Такие границы между прослойками не могут образоваться в обычных насыпях — они являются маркерами того, что в древности по этим границам проходили деревянные стенки. Поэтому можно предположить, что и здесь, так же как на участке раскопа VI (1968 г.), сохранились следы некогда стоявших тут бревенчатых городней. Что же касается толстых прослоек древесного тлена, зафиксированных как внутри «горизонта III», так и на его верхней границе, и у его внутренней стенки, то они вряд ли относились к городням. Может быть, эти прослойки остались от каких-то иных деревянных оград, построенных поверх уже разрушившихся городней. Но если на раскопе VI (1968 г.) городни имели ширину не менее 6 м (см. выше), то на участке исследований 1975/1979 гг. границы руин городни очерчивают массив, ширина которого не превышала 4 м (рис. 10: Д, 8). Такое существенное различие может объясняться чрезвычайной длиной стены внешнего города (более 10 км), построить которую по стандартной схеме (из строго одинаковых модулей), видимо, оказалось невозможно.

Раскоп XXXI 1982 г. представлял собой траншею шириной 2 м, заложенную, судя по всему, параллельно траншее 1979 г., со сдвигом к северо-западу. На этот раз раскопки велись без фиксации планов пластов или горизонтов. В итоге был получен еще один разрез по северо-западной стенке траншеи (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 24; Хузин, 1985, рис. 2) (рис. 11: А), который ничего не добавил к тем сведениям, которые уже были получены ранее. На уровне погребенной почвы тут продолжали проследиваться частокольная канавка и ряд из забитых в грунт столбов, который все дальше отходил от частокола. Канава вдоль внутреннего края вала сузилась до 1,5 м, а глубина уменьшилась до 0,3 м. Вертикальных границ, маркирующих остатки городней, на профиле уже не фиксировалось, не было также обнаружено и следов «горизонта IV», связывавшегося при прежних раскопках с «валом» высотой 30 см, что справедливо заставило усомниться в самом существовании этой насыпи (Хузин, 1985, с. 63). Однако общая концепция понимания вала III не изменилась — он воспринимался как насыпь, поверх которой стояли неясные «деревянные защитные сооружения», от которых остались лишь прослойки древесного тлена и ничтожные по глубине канавки.

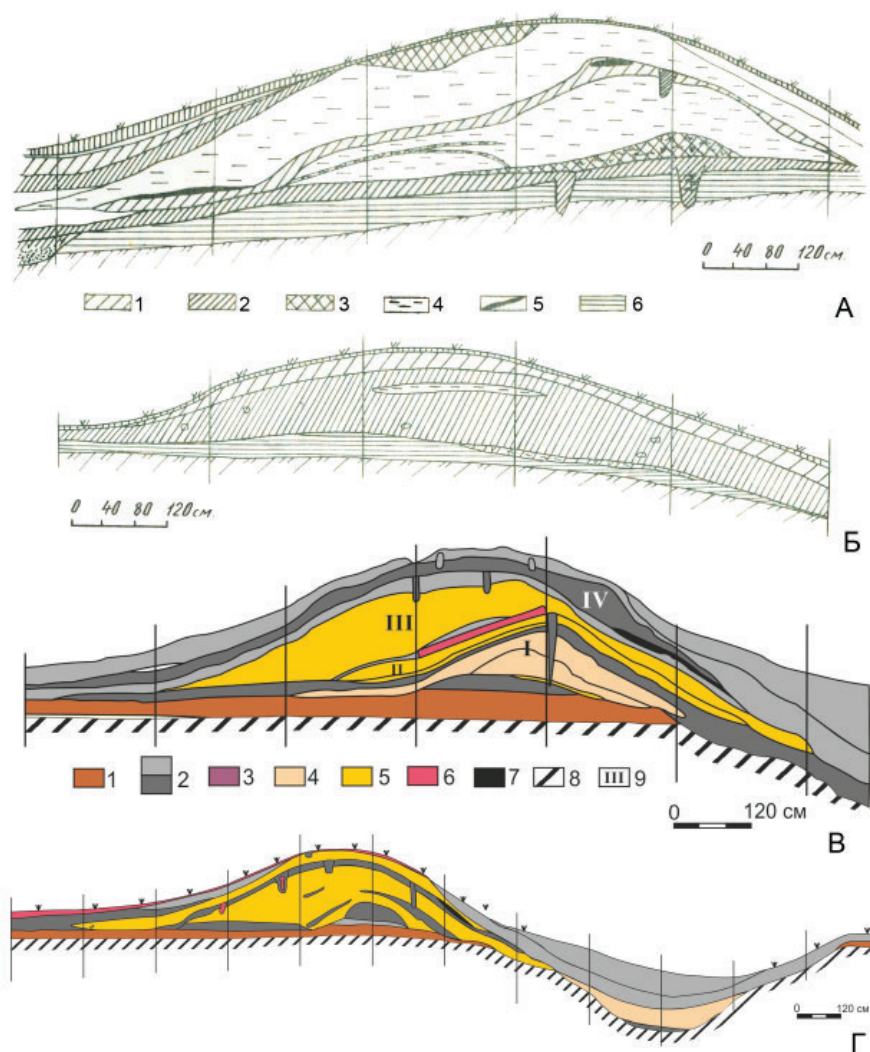

Рис. 11. Разрезы валов III–V. А – разрез вала III в северо-западном борту раскопа XXXI (по: Хузин, 1985, рис. 2): 1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – пестроцветный грунт; 4 – суглинистый слой; 5 – уголь; 6 – погребенная почва; Б – разрез вала IV в восточном профиле раскопа XXXIV 1982 г. (по: Хузин, 1985, рис. 5). Условные обозначения те же. В – разрез вала V в северо-западном профиле траншеи 1975 г. (по: Халиков, 1975, рис. 48): 1 – коричневый суглинок (погребенная почва); 2 – серая и темно-серая супеси; 3 – дерн; 4 – петроцветный грунт; 5 – желтый суглинок; 6 – древесная труха; 7 – материк; 8 – номера насыпей по материалам отчета; Г – разрез того же вала в северо-западном профиле раскопа XXXII 1982 г. (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 37). Условные обозначения те же.

Fig. 11. Sections of ramparts III–V. А – section of rampart III in the northwestern side of excavation XXXI (according to: Khuzin, 1985, fig. 2): 1 – gray sandy loam; 2 – dark gray sandy loam; 3 – variegated soil; 4 – loam layer; 5 – coal; 6 – buried soil. Б – section of rampart IV in the eastern profile of excavation XXXIV in 1982 (according to: Khuzin, 1985, fig. 5). The symbols are the same. В – section of rampart V in the northwestern profile of the trench in 1975 (according to: Khalikov, 1975, fig. 48): 1 – brown loam (buried soil); 2 – gray and dark gray sandy loam; 3 – turf; 4 – variegated soil; 5 – yellow loam; 6 – wood dust; 7 – natural ground; 8 – embankment numbers based on report materials. Г – section of the same rampart in the northwestern profile of excavation XXXII in 1982 (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 37). The symbols are the same.

Несмотря на различия в методических подходах разных ученых, по результатам работ на валу III можно сделать некоторые важные выводы:

В истории фортификационного строительства вала III выделяются четыре этапа. На первом из них по краю долины Большой

Елшанки была выкопана довольно глубокая канава, в которую был поставлен деревянный частокол, что роднит начальные этапы обеспечения обороны внутреннего и внешнего города. На участке раскопа VI (1968 г.) край террасы, на которую устанавливался такой частокол, видимо, был поврежден эрозией-

ными процессами, из-за чего он там и не сохранился. Вторым вариантом объяснения его отсутствия там может быть уничтожение следов частокола более поздним рвом.

После ликвидации частокола на краю долины Елшанки в некоторых местах возникали легкие частокольные ограды, которые надо скорее связывать с границами усадеб, хотя полностью исключать их оборонного назначения (как временных изгородей) также нельзя. Второй этап фортификационного строительства тут связан с выкапыванием рва полукруглой профилировки (местами с уплощенным дном, местами очень мелкий по глубине). Пока нет полной ясности, с какой стороны от этого рва – внешней или внутренней – находилась древо-земляная стена, поскольку никаких следов этого сооружения не сохранилось. По общему правилу вертикальная преграда должна была находиться с внутренней стороны от рва, т. е. к западу от него. Правда, в этом случае стена размещалась бы на большом расстоянии от долины Большой Елшанки – в 14–16 м от ее края. Но раскопки к западу от рва не проводились, так что делать какие-то предположения тут было бы поспешно. Этот ров сокращается по размерам в направлении с юго-востока на северо-запад, и пока такая трансформация остается необъяснимой.

Через некоторое время ров был засыпан (очевидно, грунтом из разобранных стен), после чего началось строительство оборонительной линии третьего этапа, состоявшей из древо-земляной стены, составленной из городней, заполненных материковым желтым суглинком. На разных участках вала ширина этой стены могла быть разной, но в любом случае – не менее 4 м, высота же не могла быть менее 2 м. В некоторых местах стену приходилось ставить на место засыпанного рва, а грунт для засыпки городней брался как из верхних горизонтов материка (желтый суглинок), так и из долины Большой Елшанки (илистые серые грунты).

Разрушение этой стены, наступившее в результате истлевания древесины (т. е. по прошествии 30–50 лет), было настолько полным, что следы ее бывшего существования (древесина от срубов и вертикальные границы заполнения городней) сохранились лишь в отдельных местах. На руинах стены, т. е. на образовавшемся естественным образом валу, видимо, устанавливались легкие деревянные

ограды, следами которых являются столбовые ямы, канавки и прослойки истлевшей древесины, обнаруженные поверх расползшегося вала. Последний, четвертый этап оборонного строительства также сложен для понимания. После того, как деревянные заборы, установленные поверх валообразной руины, пришли в полную негодность, на их месте могла быть поставлена новая древо-земляная стена, размеры которой, судя по небольшому объему грунта в самом верхнем горизонте вала, были существенно (в 2–3 раза) меньше, чем у стены, стоявшей тут ранее. Однако нельзя исключать и того варианта, что на последнем этапе вместо стены тут была сделана насыпь из материкового суглинка, оформившая вал в его современном виде (с учетом возможных эрозионных повреждений). На этом этапе в вал попали также обломки кирпичей, взятые из разрушенных городских зданий. Какие-то из поверхностных нарушений вала (столбовые ямы и канавки) могли являться следами ограждений финального этапа использования вала для обороны (в 1236 г.), но с гораздо большей вероятностью они являются поздними перекопами, связанными с укреплениями Билярского острога или хозяйственной деятельностью жителей Билярска Нового времени.

Дата частокола первого этапа вряд ли может быть определена, пока не будут найдены остатки его древесины, пригодные для радиоуглеродного датирования. Когда началось строительство древо-земляной стены внешнего города, смогут показать только новые исследования, но ясно, что древнейший ров, обнаруженный тут, вряд ли мог быть выкопан ранее XI в. Дальнейшая строительная история вала III, очевидно, относится к XII и началу XIII вв.

Вал IV

Вал IV изучался раскопками только один раз – раскопом XXXIV, заложенным в 1982 г. в северо-восточной части кольца валов внешнего города (рис. 1: 10). Раскоп представлял собой траншею шириной 2 м при длине 10 м, ориентированную перпендикулярно оси вала, т. е. по линии ССВ–ЮЮЗ (по азимуту 25°). Профиль был снят только с одной восточной стенки этой траншеи¹² (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 33; Хузин, 1985, рис. 5) (рис. 11: Б). Он показывает насыпь высотой 1,2 м при ширине около 8 м. Никаких следов деревян-

ных конструкций тут не было выявлено, но даже если бы они существовали в древности, шансов их обнаружения при раскопках узкой траншеей не имелось. Поэтому делать выводы о том, как сформировался средний вал оборонительной системы внешнего города, преждевременно.

Под валом обнаружена тонкая линза остатков культурного слоя, отложившегося на его месте до начала строительства. По находкам в теле вала обломков поливной керамики местного производства и стеклянного браслета его строительство было датировано не ранее второй половины XII в. (Хузин, 1985, с. 74), с чем трудно не согласиться. Однако ров перед этим валом не вскрывался, а именно он мог бы показать, какой объем грунта был взят отсюда при строительстве и какая часть этого грунта затем «вернулась» в ров (см. выше ров при вале II). Поэтому ближайшей задачей изучения вала IV является его исследование широкой площадью и вскрытие рва перед ним.

Вал V

Вал V исследовался четыре раза, но с разной степенью полноты. Впервые его разрез был получен в 1975 г. при зачистке края бульдозерной траншеи (Халиков, 1976, рис. 48; Хузин, 1985, рис. 6) на северо-восточном краю городища (рис. 1: 4). Тогда по линии СВ–ЮЗ была заложена траншея (вернее, терраса), с которой получен один разрез вала, имевшего ширину 8 м и высоту 2,1 м (рис. 11: В). Описание этого разреза в отчете включало одно совершенно неприемлемое положение о культурном слое, якобы «отложившемся» на вершине и склонах вала. Однако подобный процесс невозможен в силу того, что валы никогда не являлись местами обитания людей, это чисто оборонительные сооружения. Грунт, относящийся к культурному слою, мог попадать на вал только как перемещенный, в виде части насыпи.

Разделение насыпи на четыре этапа, датированных в интервале от X в. до рубежа XII–XIII вв., предложенное А.Х. Халиковым в отчете (1975, л. 121) также не может быть принято в силу слабости доказательств. Так, «первой насыпью» назван массив грунта высотой всего 1 м при ширине 4 м, который не мог служить препятствием для противника. «Второй насыпью» названа досыпка грунта, увеличившая высоту «вала» всего на 0,2 м. На вершине этой «насыпи» был выявлен след от забитого в грунт на глубину 1,2 м заостренно-

го кола, а рядом, на внутреннем склоне вала, – остатки бревна длиной около 2 м, которое было воспринято как остатки частокола. Но при последующих раскопках никаких следов этого частокола нигде более не фиксировалось (см. ниже). Неясно даже, было ли это бревно вообще связано со столбовой ямой, в которой древесного тлена не отмечено. Таким образом, «первая», «вторая» и «третья» насыпи, выделенные в 1975 г., вполне могли составлять разные горизонты одной и той же насыпи, созданной в несколько приемов или из разного по происхождению грунта. В результате был насыпан вал высотой около 2 м, шириной по основанию 7 м, с уплощенной площадкой на гребне шириной 2 м. На этой площадке обнаружены столбовые ямки глубиной не более 0,4 м, которые А.Х. Халиков связывал с какими-то неясными деревянными укреплениями, названными им «городнями» (1975, л. 120, 121). Разумеется, никаких, даже малейших, следов городней (бревенчатых срубов) тут не было, а столбовые ямки могли относиться разве что к какому-то забору, установленному на вершине вала. Судя по датировке керамики, собранной на поверхности вала и относившейся к предмонгольскому этапу, появление вала V нельзя относить ко времени ранее XII в.

Спорность выводов, полученных по итогам зачистки 1975 г., была очевидна исследователям Биляра, что и вызвало необходимость повторной прорезки вала V в том же месте еще раз, что и было выполнено раскопом XXXII 1982 года (Кавеев, Хузин, 1982, л. 83–88, рис. 37; Хузин, 1985, с. 77–79, рис. 7). Раскоп представлял собой траншею шириной 2 м, сориентированную параллельно зачистке 1975 года. Профиль разреза в целом был близок зафиксированному семью годами ранее, хотя и имел некоторые отличия. На нем видно «ядро» вала, под которым сохранились остатки культурного слоя XVI Билярского селища, материал из которого был датирован X–XI вв. На вершине вала читались столбовые ямы, размещение которых в плане осталось неизвестным, поскольку вал не разбирался по пластам и планы не снимались. При этом эти столбовые ямы по-прежнему связывались с какими-то «городнями» (Хузин, 1985, с. 79). В действительности эти столбовые конструкции вполне могли принадлежать деревянной ограде, построенной на вершине вала. Эта

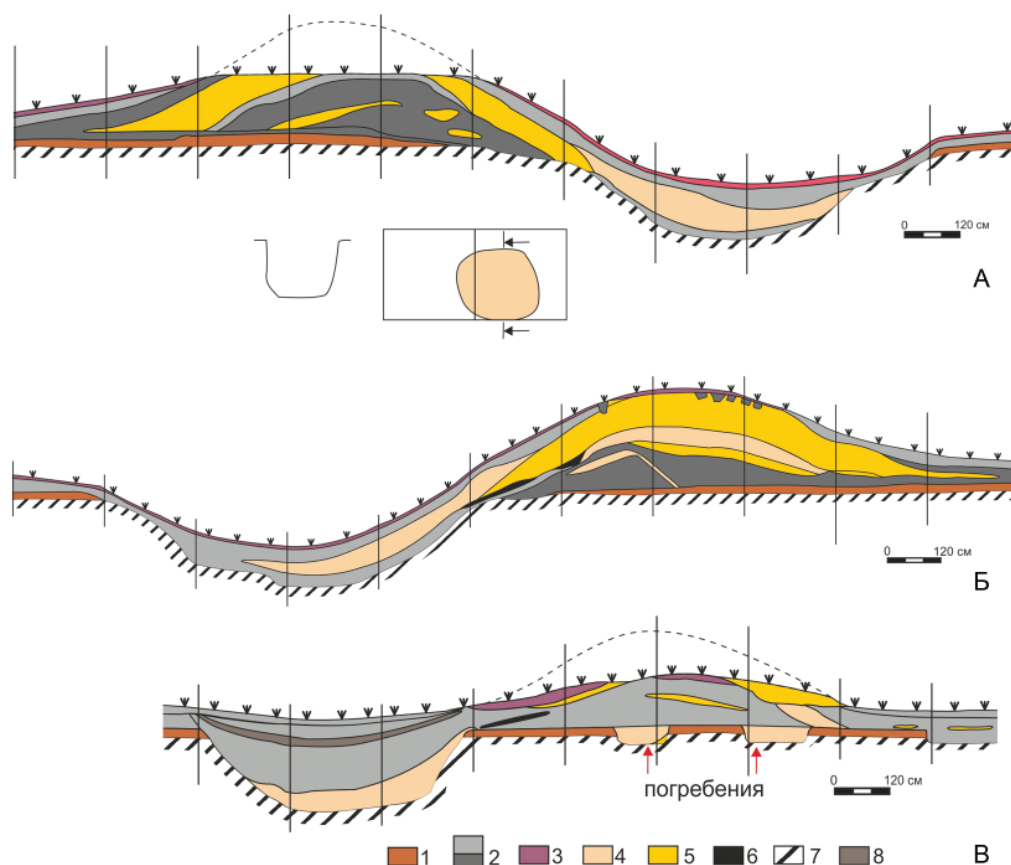

Рис. 12. Разрезы вала V. **А** – в западном профиле раскопа XXXIII, с планом ямы под валом (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 41); **Б** – в восточной профиле того же раскопа (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 40); **В** – в юго-западном профиле траншеи № 8 (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 60). 1 – Коричневый суглинок (погребенная почва); 2 – серая и темно-серая супеси; 3 – дерн; 4 – петроцветный грунт; 5 – желтый суглинок; 6 – древесная труха; 7 – материк; 8 – навоз.

Fig. 12. Sections of rampart V. **A** – in the western profile of excavation XXXIII with a plan of a pit under the rampart (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, Fig. 41). **B** – in the eastern profile of the same excavation (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 40). **V** – in the southwestern profile of trench No. 8 (according to Kaveev and Khuzin, 1982, fig. 60). 1 – brown loam (buried soil); 2 – gray and dark gray sandy loam; 3 – turf; 4 – variegated soil; 5 – yellow loam; 6 – wood dust; 7 – natural soil; 8 – manure.

ограда не относилась к финальному этапу существования укреплений, поскольку оказалась перекрыта еще одной прослойкой суглинка толщиной не более 20 см (по отчету 1975 г. – темно-серого, по отчету 1982 г. – желтого), которую можно рассматривать в качестве следов ремонта вала. В этой прослойке также фиксировались какие-то столбовые ямы, возможно от последней ограды, когда-то поставленной на гребень вала.

Материалы раскопа XXXII важны еще и тем, что в нем впервые удалось получить полный разрез рва, проходившего перед валом V. Этот ров имел сегментовидный (полукруглый) профиль, ширину 9 м при глубине 2,5 м, т. е. его объем соответствовал объему грунта в валу. Заполнение рва описано в отчете очень кратко – оно состояло из «пестроцветного»

грунта (по-видимому, этим бессодержательным названием зашифрована смесь материкового суглинка с культурным слоем и погребенной почвой), структура которого осталась неясна (были ли это мелкослойистые замывы или результат сброса в ров верхней части вала?). Тем не менее ясно, что ров был заполнен лишь в самой малой степени – не более чем на 0,5 м, а это значит, что его не пытались сознательно засыпать, а вал срыть. Заполнение нижней части рва составляли грунты, смытые за время распашки окрестных полей, а верхнюю – сдвинутые бульдозером в ходе разрушения вала.

В том же 1982 г. для проверки полученных результатов был предпринят еще один, последний разрез вала V, совершенный раскопом XXXIII, заложенным в 110 м к западу

от раскопа XXXII в месте разрушения вала работой бульдозера (Кавеев, Хузин, 1982, с. 89–101). На этот раз ширина траншеи составила 6 м, но вся она пришлась на уже разрушенную часть вала, поэтому при наличии у раскопа двух профилей сам вал фактически не разбирался и структура его осталась неизвестной. Разрезы были сделаны перпендикулярно оси вала (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 40, 41; Хузин, 1985, рис. 8, 9) (рис. 12: А, Б). В западном профиле вал был поврежден (срезана вся его верхняя часть), тем не менее хорошо видно, что его ширина по основанию составляла около 10 м, а структурно в нем выделялось «ядро» шириной около 7 м и высотой до 1,5 м, состоявшее из грунтов серого цвета (вероятно, почвенных горизонтов), и верхняя часть, сложенная из материкового суглинка. Ров сегментовидного (полукруглого) сечения имел тут ширину 8 м и глубину 2 м, заполнен он был почти на 2/3, очевидно, именно в результате сброса в него грунта вала бульдозером. Гораздо лучшее представление об этих сооружениях дал восточный профиль, где вал сохранился без повреждений. Его ширина составляла около 9 м, высота – 2 м. Здесь лучше видно внутреннее «ядро» вала шириной 6 м и высотой 1,3 м. Состав грунтов практически такой же, как в западном профиле. Параметры рва отличий не имели.

Делать суждения о конструктиве вала V по профилям, без пластовых планов разборки вала, методически рискованно, однако нельзя не отметить общего сходства этого профиля с разрезом вала и рва середины XIV в. в городе Болгаре (Коваль, Русаков, 2018, рис. 20), который представлял собой созданное единовременно насыпное сооружение, предназначенное для отражения конных атак противника (Коваль, Русаков, 2018, с. 66–70). В обоих случаях ядро вала было создано из грунтов почвенного горизонта, а верхняя часть насыпи – из материкового грунта.

Под валом в раскопе XXXIII были зафиксированы культурный слой с немногочисленным материалом и круглая яма, в заполнении которой найдены разрозненные кости человека и шиферное пряслице. Эти комплексы были датированы очень узко в пределах конца X – начала XI вв. (Кавеев, Хузин, 1982, л. 95; Хузин, 1985, с. 82), что представляется сомнительным: для столь узкой даты имеющихся

аргументов явно недостаточно. В основании насыпи вала наряду с другими находками был обнаружен наконечник стрелы типа 92 (по А.Ф. Медведеву), датирующийся XII – началом XIII вв. (Кавеев, Хузин, 1982, л. 101), на основании которого создание вала было продатировано «не ранее конца XI – начала XII в.» (Хузин, 1985, с. 84), с чем следует согласиться. Однако нельзя принять мысль о том, что два горизонта в составе вала V (ядро вала и его досыпка) относятся к разным временным периодам (Там же), поскольку в этом случае пришлось бы допускать, что на первом этапе вал был создан без всякого рва (либо со рвом глубиной не более 0,5–1 м) и лишь на втором этапе этот ров был углублен до 2 м, а вал нарастили до такой же высоты (объем грунта в валу в целом равен объему грунта, вынутого из рва). Такая версия выглядит невероятной. По данным всех приведенных выше разрезов вал V выглядит как единовременно воздвигнутое защитное сооружение, более всего напоминающее насыпь (хотя этот тезис еще требует проверки), время создания которой относится к XII – началу XIII вв. А в этом случае весьма продуктивной кажется мысль А.Х. Халикова об усилении обороны Биляра после осады города войсками владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича в 1183 г. (Халиков, 1976, с. 50).

Некоторые новые данные о вале V и рве перед ним были получены при зачистке разреза этих сооружений, полученного в 1982 г. на северном фланге укреплений внешнего города, на территории современного Билярска (рис. 1: 13; 12: В). Вершина вала тут была срезана и сброшена в ров, который практически не читался на современной поверхности. Размеры этих сооружений были несколько иными, нежели на северо-восточном фланге крепости (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 60). Вал тут имел ширину всего 8 м при сохранившейся высоте 1,1 м, но в нем точно так же прочитывалось «ядро» из грунтов почвенных горизонтов. Ширина рва была несколько меньшей (6 м) при прежней глубине – около 1,8 м. Под валом были выявлены могилы с погребениями Билярского V могильника, возникшего в X–XI вв. (Хузин, 1985, с. 82), верхняя дата которого не определена.

Проведенный анализ отчетных данных о раскопках валов и рвов Биляра позволяет сделать несколько выводов как методическо-

го, так и общеисторического характера. Методические выводы следующие:

А) В ходе будущих раскопок билярских фортификаций ради получения новой достоверной (и проверяемой) информации необходимо строго следовать современным нормам и правилам таких раскопок, т. е. закладывать разведочные траншеи шириной не менее 6 м на валах и не менее 4 м на рвах. При этом необходимо проводить фиксацию горизонтальных пластов с шагом в 20 (в сложных для понимания случаях – 10) см и обязательно фиксировать все различия в цвете грунтов, особенное внимание уделяя тем прослойкам (даже самым тонким, до 1 см), которые содержат следы древесного тлена или могли быть остатками деревянных стен с полностью утраченной органикой.

Б) Необходимо создание банка данных образцов для радиоуглеродного анализа тех конструкций, которые удастся обнаружить, а также материалов из слоев, подстилающих валы.

В) При описании материалов раскопок следует подробно описывать цвет, состав, гранулометрию, структуру каждой прослойки грунта, которая встречается в валах. Для правильного описания необходимо привлекать специалистов в области почвоведения, которые способны выявить среди прослоек внутри валов те, которые с наибольшей вероятностью можно связывать с почвообразованием на поверхности насыпей или руинированных стен.

Г) При раскопках рвов необходимо контрольное прокапывание днища рва для подтверждения его окончания, поскольку нередко нижние части рвов оказываются засыпаны материковым грунтом, практически не отличающимся от нетронутого материка, за исключением самой структуры этого грунта.

Д) Пройденные раскопы необходимо засыпать ради сохранения внешнего вида уникального памятника древности.

Перечисленные требования являются сегодня обязательными при исследованиях фортификаций. И как раз раскопки билярских укреплений, где такие требования не соблюдались (надо специально подчеркнуть, что вовсе не по вине исследователей тех лет), показали, какие важнейшие сведения и аргументы оказались в результате этого утрачены.

Перейдем к историко-археологическим выводам.

Прежде всего, стало ясно, что валы Биляра были гораздо более сложными и конструктивно разнородными сооружениями, чем это считалось ранее. Как во внутреннем, так и во внешнем городе на первом этапе (валы I и III) по их периметру возводились обыкновенные частоколы. Позже на их месте строились древо-земляные стены, однозначные следы которых зафиксированы в валу I (внутреннего города) и в валу III (внешнего города). После того, как эти стены разрушились под действием естественных причин (гниение дерева), их руины могли использоваться для обороны, для чего на гребнях образовавшихся валов строились деревянные ограды, очень слабые следы которых обнаружены во многих местах. Во внутреннем городе (вал I) на месте разрушенной более ранней стены, вероятно, была выстроена новая; для вала III полной уверенности в таком сценарии нет, хотя он представляется наиболее вероятным. Однако плохая сохранность валов и недостаточное качество имеющейся документации оставляют простор для разных реконструктивных вариантов.

Впервые изучение раскопной документации 45-летней давности позволило получить конкретные свидетельства того, что вал внутреннего города Биляра является остатками древо-земляной стены, которая, возможно, один раз перестраивалась. Прежде укрепления Биляра также реконструировались в виде деревянных стен, однако исходя исключительно из общих соображений и по аналогии с русскими городами, т. е. умозрительно, без опоры на конкретный археологический материал. Как видим, этот материал имелся в наличии уже более 40 лет, однако он не был соответствующим образом осмыслен. Надо также признать, что, хотя исследователи 1970–1980-х гг. (А.Х. Халиков, Ф.Ш. Хузин, М.М. Кавеев) не располагали современной методикой раскопок валов и ошибались в интерпретации целого ряда следов древних сооружений, их вывод о существовании в валах Биляра остатков стен, сложенных из дерева, в большинстве случаев оказался верным.

Все вскрытые рвы Биляра имели полукруглый (часто с уплощенным дном) профиль, т. е. они оказались идентичны поздним (XII–XIV вв.) рвам Болгара, но резко отличаются от ранних (X–XI вв.), треугольных в сечении

(Губайдуллин, 2019, с. 60–63). Правда, изучены еще не все рвы этого города, например, ров перед валом IV. К сожалению, днища этих рвов контрольно не прокапывались, а без этого нет уверенности в том, что были замечены все углубления на дне или подрезки склонов рва, и даже более того – нет полной уверенности в том, что профили рвов зафиксированы полностью.

На протяжении XII в. началось строительство дополнительных линий укреплений как во внутреннем, так и во внешнем городе. Происходило ли оно одновременно или в какой-то последовательности, пока невозможно сказать. Самая мощная (судя по объему грунта, вынутого из рва) линия была возведена вокруг внутреннего города (вал II и ров перед ним). Какого рода укрепление тут было выстроено, стена или вал, неясно, поскольку большая его часть была сброшена обратно в ров. По этой причине вал II нельзя считать «недостроенным» или «дополнительным», более слабым – очевидно, что эта линия была воздвигнута полностью, но затем подверглась целенаправленному уничтожению. Сегодня видны лишь остатки некогда существовавшего укрепления. Когда оно было уничтожено, неясно, но логично предположить, что такая акция была проведена монголами после разорения Биляра ради недопущения его возрождения. Этот вариант кажется наиболее вероятным, учитывая, что для уничтожения вала II было необходимо привлечь очень большое число работников.

Оборона внешнего города Биляра включала три линии, самой ранней из которых была древо-земляная стена, остатками которой стал вал III. Ее появление можно датировать не ранее конца XI в., хотя надежных археологических аргументов для датировки этой стены пока недостаточно. Не вполне ясна и история перестроек этой защитной линии. Сохранившимся остаткам стены могла предшествовать более ранняя фортификация из рва и стены, от которых сохранился только ров. Нет полной уверенности и в том, какая фортификация сменила эту древо-земляную стену.

Время появления и первоначальный вид вала IV неизвестны, поскольку он практически не изучен, а ров перед ним никогда не вскрывался. Зато гораздо лучше изучен вал V, предположительно самая поздняя из билярских фортификаций, выстроенная, возможно,

во второй половине или конце XII в. Этот вал, скорее всего, изначально представлял собой насыпь, сооруженную за один прием, которая пережила только один небольшой ремонт в виде незначительной подсыпки вала.

На сегодняшнем уровне знаний о фортификациях Биляра (а он остается еще очень низким) создается впечатление, что вначале город старались окружить древо-земляной стеной, которая по своему облику, вероятно, мало отличалась от стен, составленных из срубов-городней, которыми защищались города Руси. Явным отличием является только отказ хозяев Биляра от излишне толстых стен из многорядных городней, которые предпочитали строить на Руси. Однако к концу XII в. на месте разрушенных временем древо-земляных стен стали оставлять валы с легкими деревянными заборами на гребнях. Эта тенденция особенно ярко проявилась при строительстве вала V – самого последнего по времени создания оборонительного рубежа Биляра. В отличие от более ранних стен, эта линия, вероятно, изначально создавалась как насыпь.

Таким образом, к моменту взятия Биляра монголами в 1236 г. его оборонительная система заметно отличается от той, которая развивалась в большинстве городов Восточной Европы (и, пожалуй, мира в целом) и которая была нацелена на обнесение стенами как можно меньшей площади. Такой подход позволял сконцентрировать на небольшой территории крепости население всего города и пригородов, обеспечивая тем самым максимальную плотность расстановки защитников стен. В Биляре наблюдается совершенно иная тенденция: постепенный переход от использования стен к окружению валами весьма значительной по площади территории, не имевшей сплошной плотной застройки, и, следовательно, не способной предоставить необходимое число воинов для обороны крайне протяженных защитных линий. Ведь только для обороны одной 10-километровой стены внешнего города потребовалось бы минимум 3–5 тысяч воинов (из расчета 1 человек на 2–3 метра линии стены), к которым необходимо было иметь в запасе сопоставимое число резервных войск. Такое число взрослых мужчин Биляр мог бы выставить, если принять расчет численности его населения к началу XIII в. в пределах 30 000 чел. (Халиков, 1976, с. 41),

но далеко не все эти жители могли считаться полноценными воинами. Следовательно, для защиты Биляра было необходимо войско, насчитывавшее не менее 10 тысяч профессиональных воинов (а скорее – значительно большее по численности). Только такой контингент (с добавлением к нему боеспособных горожан) мог хоть как-то контролировать весь периметр внешнего города и противостоять противнику. Но растянутость оборонительной линии неизбежно создавала для защитников серьезную трудность, поскольку в место вражеской атаки (которая могла произойти в любом месте периметра укреплений) необходимо было стянуть значительные дополнительные силы, что требовало либо еще большего увеличения численности армии на стенах, либо нестандартных вариантов организации обороны. Один из таких вариантов был ранее предложен (Коваль, 2018).

По-видимому, не ранее XII в. в фортификации Биляра произошел переход от однорядных укреплений к многорядным (имеются в виду три ряда валов «внешнего города»). Этот выбор пока трудно объяснить, поскольку от требовал дополнительных затрат ресурсов, но мог гарантировать безопасность только в том случае, если каждый из рядов был не только обеспечен достаточным числом защитников (которых и без того требовалось немало – см. выше), но и имел бы стены или деревянные ограды на валах в боеспособном состоянии. Вся эта многорядность требовала расходования огромного количества ресурсов (регулярной доставки строевого леса и постоянных ремонтов). Поэтому окончательное выяснение конструктива оборонительных линий Биляра, особенно на финальных этапах их функционирования, является крайне важной и при этом чрезвычайно сложной задачей.

Хронология строительства и многочисленных перестроек пяти линий валов (и рвов) Биляра обоснована пока очень приблизи-

тельно. Высказывавшиеся в предшествующих исследованиях аргументы не вызывают в большинстве случаев существенных возражений, но требуют проверки современными методами. В особенности это касается остатков деревянных конструкций на вершинах валов, которые могли возникать в Новое время, как части оборонительных сооружений Закамской черты, а также в качестве хозяйственных объектов жителей Билярска вплоть до современной эпохи.

Необъясненным остается факт сохранения укреплений Биляра после его взятия монголами в 1236 г. Лишь одна из пяти линий обороны (вал II) несет следы целенаправленного уничтожения, тогда как остальные, включая вал V, сохранились достаточно полно. Возможно, для тотального уничтожения огромной по размерам фортификации Биляра у монголов просто не хватило человеческих ресурсов из-за истребления населения города?

Хотя исследователями Биляра были сделаны в целом правильные выводы о характере его укреплений, состоявших из деревянных стен, эти выводы базировались не столько на археологических фактах, сколько на научной интуиции выдающихся ученых. Тем не менее анализ отчетной документации показал, что уже в те годы при раскопках были получены важные свидетельства существования в прошлом тут древо-земляных стен, которые не были в полной мере осознаны из-за недостатка знаний, имевшихся в российской археологии того времени. И все же далеко не все вопросы конструктива билярских укреплений в достаточной мере обеспечены археологическими фактами, так что полное представление о внешнем виде этих укреплений (как древо-земляных стен, так и насыпных валов) пока еще не может быть сформулировано. Для получения такого представления сегодня требуется новое изучение этих укреплений, проведенное на современном методическом уровне.

Примечания:

¹ Интересные наблюдения, касающиеся фортификации Биляра, были сделаны в 1928 г. А.С. Башкировым (1929), однако способ исследования небольшим шурфами и отсутствие чертежей даже этих шурфов делает выводы исследователя не всегда понятными и убедительными.

² Руководил раскопом П.Н. Старостин.

³ Раскопом руководили П.Н. Старостин и Р.Г. Фахрутдинов.

⁴ Этот проем априори был признан за древний, хотя вполне мог быть и поздним прокопом (XVIII–XIX вв.). Раскоп VII представлял собой траншею шириной 2 м, которая лишь задела край вала, а сама размещалась на участке проема в валу.

⁵ Цвет этих и многих иных прослоек по описаниям в публикации и отчете различаются довольно сильно.

Некоторые прослойки из более высоко лежавших горизонтов остались на чертежах не подписаны или имели неинформативные подписи «глина» или «суглинок».

⁶ На рис. 3 (и последующих) цвет грунта прослоек показан условно (с подразделением на основные цвета – серые, коричневые и желтые), без учета различных оттенков. Розовый цвет для древесной трухи выбран для того, чтобы отличить ее от грунтовых прослоек коричневого цвета.

⁷ В отчете ширина траншеи не указана, но отмечено, что квадраты, на которые он был разбит, имели размеры 2×1 м, а на фото видна углубленная в склон долины Елшанки траншейка, ширина которой, судя по масштабной линейке, 1 м (Кавеев, Хузин, 1982, л. 60, рис. 32). В то же время фрагмент плана двух квадратов показывает их с размерами 2×2 м (Кавеев, Хузин, 1982, л. 60, рис. 30). Это расхождение отчетных данных невозможно объяснить, но более объективным свидетельством является фотография.

⁸ Ситуационный план этого раскопа в отчете отсутствует, поэтому ориентировки его сторон даются по тексту отчета.

⁹ Выше уже отмечалось, что чертеж «южного (в действительности – юго-восточного) профиля» раскопа фактически был зачисткой стенки проема в валу, сделанной до начала работ на траншее, т. е. оказался по отношению к ней зеркальным, что, впрочем, не только не мешает им пользоваться, но предоставляет удобство для сравнения всех снятых профилей.

¹⁰ Нумерация этих горизонтов в отчетах и публикациях различна: в отчете 1975 г., публикациях 1981 г. (М.М. Кавеева) и 1985 г. (Ф.Ш. Хузина) нумерация проведена снизу вверх, от древнейших горизонтов к более поздним, а в отчете 1979 г. – сверху вниз. В данной работе пользуемся именно этой последней нумерацией.

¹¹ На отчетных профилях прослойки были пронумерованы по горизонтам, но их цвет и состав грунта на чертежах не подписаны. В предлагаемом варианте использованы указания на цвет прослоек в тексте отчета и статьях.

¹² В правильности наименования профиля имеются большие сомнения, поскольку с напольной стороны в таком случае отсутствуют всякие следы рва. Возможно, тут имелась берма, однако не исключено, что и здесь кроется ошибка в подписи и в действительности речь должна идти о западном профиле раскопа.

ЛИТЕРАТУРА

Башикиров А.С. Экспедиция по изучению булгаро-татарской культуры летом 1928 года // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. III. Казань: Академический центр Татнаркомпроса, 1929. С. 27–36.

Гольева А.А., Коваль В.Ю. Некоторые вопросы стратиграфии Болгарского городища // РА. 2021. № 1. С. 133–151.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.

Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 223–234.

Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 245–158.

Кавеев М.М. О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа / Отв. ред. Е.П. Казаков, Ю.И. Смыков, Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 36–42.

Кавеев М.М., Хузин Ф.Ш. Отчет о полевых работах на Билярском городище летом 1981 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 8742.

Кавеев М.М., Хузин Ф.Ш. Отчет о полевых работах на Билярском городище летом 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9276.

Коваль В.Ю. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X – XV вв.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 182–185.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Фортификация цитадели Болгара // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 8–21.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 2. Казань, М.: ИА АН РТ, ИА РАН, 2018. 160 с.

Могилевский К.И., Гагкуев Р.Г., Иванюк С.А., Хайрутдинов Р.Р., Белорыбкин Г.Н., Обыденнова Г.Т., Воронцов А.М., Меньшов А.В., Валеев Р.М., Коваль В.Ю., Дубман Э.Л., Бессуднов А.Н., Шевченко Э.А., Ситдииков А.Г., Абдуллин Х.М., Жиганов В.М., Самигулов Г.Х., Любичансовский С.В., Голотвин А.Н., Семькин Ю.А., Зеленева Ю.А., Егорушкин Ю.А., Мизис Ю.А., Глазьев В.Н., Богатырев Р.А., Саран А.Ю.,

Ливцов В.А., Столяров Е.В., Сайфутдинова Г.М., Иванов Д.А., Буланкин В.М. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. М. Кучково поле, 2022. 388 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Моргунов Ю.Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ / Методика полевых археологических исследований. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2019. 32 с.

Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 109–132.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х. Отчет о работах на Билярском городище в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3750.

Халиков А.Х. Отчет о работах на Билярском городище и в его окрестностях в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5853.

Халиков А.Х., Кавеев М.М., Хузин Ф.Ш. Отчет о работах Билярской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7546.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–90.

Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 485 с.

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М. Укрепления города Биляра и городища его окружи как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 133–143.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

REFERENCES

Bashkirov, S.A. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. III. Kazan: "Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo" Publ., 27–36 (in Russian).

Gol'eva, A. A., Koval, V. Yu. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 133–151 (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3 (in Russian).

Gubaidullin, A. M., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (4), 223–234 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 34 (4), 8–21 (in Russian).

Kaveev, M. M. 1981. In Kazakov, E. P. Smykov, Yu. I. (eds.). *Iz istorii material'noy kul'tury tatarskogo naroda (Iz istorii material'noj kul'tury tatarskogo naroda)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 36–42 (in Russian).

Kaveev, M. M., Khuzin, F. Sh. 1981. *Otchet o polevykh rabotakh na Bilyarskom gorodishche letom 1981 goda* (Report on field work at Bilyar settlement in the summer of 1981). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier 8742 (in Russian).

Kaveev, M. M., Khuzin, F. Sh. 1982. *Otchet o polevykh rabotakh na Bilyarskom gorodishche letom 1982 g.* (Report on field work at Bilyar settlement in the summer of 1982). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier 9276 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2018 In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 5, 182–185 (in Russian).

Koval, V. Yu., Badeev, D. Yu. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 38 (4), 8–21 (in Russian).

Koval, V. Yu., Rusakov, P. E. 2018. *Issledovaniya fortifikatsii goroda Bolgara v 2014–2015 godakh* (Research in the city of Bolgar fortification in 2014–2015). Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Velikogo Bolgara (Materials and research on the archaeology of the Great Bolgar) 2. Kazan; Moscow: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mogilevskiy K.I., Gagkuev, R.G., Ivanyuk, S.A., Khayrutdinov, R.R., Belorybkin, G.N., Obydenova, G.T., Vorontsov, A.M., Men'shov, A.V., Valeev, R.M., Koval', V.Yu., Dubman, E.L., Bessudnov, A.N., Shevchenko, E.A., Sitdikov, A.G., Abdullin, Kh.M., Zhiganov, V.M., Samigullov, G.Kh., Lyubichansovskiy, S.V., Golotvin, A.N., Semykin, Yu.A., Zelenev, Yu.A., Egorushkin, Yu.A., Mizis, Yu.A., Glaz'ev, V.N., Bogatyrev, R.A., Saran, A.Yu., Litvov, V.A., Stolyarov, E.V., Sayfutdinova, G.M., Ivanov, D.A., Bulankin, V.M. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranich'ya Rossii XVI–XVIII vv.* (“Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th–18th Centuries”). Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuznoi Rusi X–XIII vekov* (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2019. *K metodike izucheniya valov drevnerusskikh gorodishch* (On the methodology of studying the ramparts of Ancient Russian fortified settlements). Series: Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy (Methodology of Field Archaeological Research) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Strikalov, I. Yu. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara* (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar) 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 109–132 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda* (Studies of the Great City). Moscow: “Nauka” Publ., 5–56 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1968. *Otchet o rabotakh na Bilyarskom gorodishche v 1968 g.* (Report on the works at Bilyar settlement in 1968). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier 3750 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1975. *Otchet o rabotakh na Bilyarskom gorodishche i v ego okrestnostyakh v 1975 g.* (Report on the work at Bilyar settlement and its surroundings in 1975). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier 5853 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Kveev, M. M., Khuzin, F. Sh. 1979. *Otchet o rabotakh Bilyarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1979 g.* (Report on the work of the Bilyar archaeological expedition in 1979). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dossier 7546 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda* (Studies of the Great City). Moscow: “Nauka” Publ., 75–100 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda* (Studies of the Great City). Moscow: “Nauka” Publ., 113–168 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii* (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria). Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 58–90 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Kaveev, M. M. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 41–57 (in Russian).

Koval, V. Yu. (ed.). 2022. *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on materials from 2011–2019 excavations))*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Bolgarskogo istoriko-arkhitekturnogo kompleksa (Materials and research on the archaeology of the Great Bolgar) 4. Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ. (in Russian).

Shakirov, Z. G., Khuzin, F. Sh., Gubaidullin, A. M. 2017 In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 133–143 (in Russian).

About the Author:

Koval Vladimir Yu., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation;

Статья поступила в журнал 20.02.2025 г.
Статья принята к публикации 05.05.2025 г.